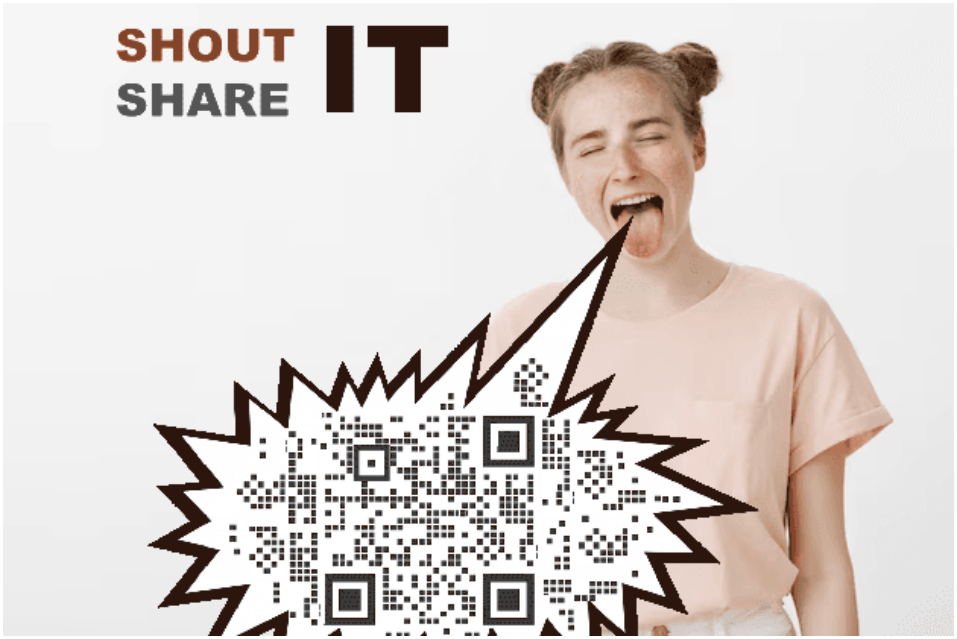
ВАДИМ СТЕПАНОВ

16+

КУЗНЕЦОВ среди РОБОТОВ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кузнецов живёт в идеальном мире, где еда печатается на принтере, товары приносят дроны, дома угадывают желания жильцов. Его мир прост и понятен: красавица жена, успешная карьера, повсеместный комфорт. Но что, если весь этот мир ширма, а люди — роботы, выдающие себя за людей? Возможно, это все бред, вызванный Пандемией, которая периодически накрывает мир. А если нет?

- Вадим Степанов
  - 0
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27

Вадим Степанов
КУЗНЕЦОВ СРЕДИ РОБОТОВ

0

Резкий запах паленого пластика ударил в нос. То, что еще совсем недавно было головой его любящей жены, болталось на сервоприводах где-то в районе лопаток. Тело андроида замерло в неестественной позе.

Импульсный истребитель продолжал неистово гудеть в руках, выжигая остатки электронной начинки робота.

Кузнецов выключил свое неожиданное оружие и выглянул в окно. Он знал, что еще минута — и здесь будет целая армия механических чудищ. Выход мог быть только один — бегство, подальше от этого проклятого города, там, где горы, где не ловят приборы и датчики и где его не найдут.

1

Умный дом — слишком умный для утра рабочего дня — помогал хозяину встать с кровати. Не успел прозвенеть будильник, как шторы разъехались в разные стороны, обнажая окно во всю стену, сквозь которое немедленно прорвалось яркое красновато-желтое восходящее солнце, мгновенно заполнившее лучами всю комнату, безапелляционно заставляя проснуться.

Утро Кузнецова нельзя было назвать радостным. Каждый день, просыпаясь, он начинал искать тапочки, которые неизменно прятались от него, причем прятались искусно, порознь, заставляя их владельца поднимать мягкие ковровые дорожки или, того хуже, опускаться на колени перед прикроватной тумбой. Вообще-то, искать их не стоило — теплый пол, крепкое здоровье и отсутствие времени требовали, чтобы война с тапочками прекратилась немедленно, но Кузнецов был непоколебим. И каждое утро с рвением, достойным восхищения, он одерживал эту победу, радостно вскидывая руки вверх, словно гладиатор на залитой кровью арене. Тапочки жали при носке и норовили слететь при каждом уверенном шаге. Но трофеями Кузнецов не разбрасывался и гордо доносил их до ванной комнаты, как победитель, как завоеватель, как самый отчаянный укротитель тапочек Вселенной. Мог ли он знать, что очень скоро плюшевый мир рассыплется, а его утренние пробуждения в счастливой наивности незнания будут вспоминаться, как райский сон. Но пока Кузнецов не думал о вечном, преодолевая каждый сантиметр жизни с интересом, азартом и даже немножечко с ощущением счастья.

Санузел услужливо включил свет и поднял температуру, чтобы необходимые процедуры проходили с комфортом. После принятия душа бесконтактное полотенце — разумный потолочный фен — теплым порывом высушило кожу Кузнецова, не слишком забирая естественную влагу тела.

Окончательно проснувшись, он спустился по лестнице двухэтажного дома на кухню, где красавица-жена — стройная блондинка спортивного телосложения с живыми и очень притягательными чертами лица — готовила ему завтрак.

— Оладьи почти готовы, — сказала она. — Включи, пожалуйста, чайник.

Кузнецов знал, что его любимой супруге Ангелине неудобно вглядываться в сенсор чайника, стоя возле плиты, и поэтому ее просьба была естественной и понятной. Он подошел к подставке электроприбора и, распахнув почти удивленно глаза, стал

гипнотизировать светящийся белым индикатор. Чайник почти немедленно отреагировал на действие и зашуршал молекулами воды.

— Спасибо, — поблагодарила Ангелина. — Можешь больше не буравить его взглядом.

Кузнецов опомнился и отвел глаза от техники. С ним такое часто случалось по утрам — долгое и пронзительное вглядывание во что-то неживое заставляло мысли в его голове раскручиваться на полную катушку. Иногда он и сам не понимал, о чем думает, зависнув, словно робот без команды.

— Почему так жарко сегодня? — спросил Кузнецов, отмахиваясь от голограммы экрана, на которой пытался запустить сеанс очередного телесериала Искин умного дома.

— Ты, видимо, неудачно поежился, — улыбнувшись, ответила Ангелина.

— Вот, я не замерз, — разводя руки в стороны, крикнул Кузнецов. — Дом, сделай прохладнее.

— Ты же знаешь, что он не слышит слова, только интонации и невербальные сигналы.

— Да знаю я, — ответил Кузнецов, сделав кислую мину. — Автономная подстройка. Очень меня, знаешь, это напрягает, что дом знает меня лучше, чем я сам.

Супруга нежно и понимающе улыбнулась и перевернула очередную порцию оладий на сковороде. Кузнецов знал, что она специально встала пораньше, чтобы сделать ему завтрак. Никакой необходимости в готовке в их доме не было. Меню давно уже расписано на месяц вперед, готовит все блюда сам дом, используя пищевые принтеры. Но разве может принтер передать то чувство, когда ты смотришь на готовящиеся свежие лепешки, ждешь их, хочешь их. И очень радуешься, что некоторые слегка подгорели, хоть это и вредно. И запах слегка подгорелого блюда так сладок, так откровенно притягателен, что вряд ли кто-нибудь всерьез захочет сравнить эти оладьи с абсолютно правильными, почти безвкусными полублинчиками из принтера.

Впрочем, знал Кузнецов и еще про одно обстоятельство, которое заставило его неработающую жену подняться ни свет ни заря, чтобы приготовить его любимый завтрак. Он ждал, когда она начнет разговор, но Ангелина не торопилась. Она закончила готовить у плиты, выложила блюдо на красивую тарелку, полила медом, а затем вместе с моментально приготовленным кофе поднесла мужу на подносе.

— Будешь со мной? — скорее, для проформы спросил Кузнецов.

— Нет, — улыбнулась супруга, — кушай. Я потом.

Кузнецова не надо было уговаривать, и он со всем аппетитом принялся за завтрак. Сочные сладкие оладьи таяли во рту, а в меру горячий, чуть горьковатый кофе отлично оттенял их вкус. Кузнецов не заметил, как быстро приговорил ту небольшую сладкую горку, на которую его жена потратила минимум полчаса.

— Очень вкусно, — сказал он супруге, — спасибо.

Ангелина довольно вздохнула, поцеловала мужа в липкие губы и забрала тарелку со стола. Кузнецову все это было приятно. Он знал, конечно, что не мыть она понесла тарелку, никто посуду давно уже не моет — ее утилизируют и заново создают, используя остатки пищи на ней для синтезирования молекулярных чернил, которые используются при приготовлении новых блюд. И все равно приятно.

— Что за мода сегодня? — чтобы поддержать разговор, сказал Кузнецов. — В ванной стены лиловые, а здесь как будто не изменились.

— Да ты что, — сказала Ангелина, — вчера были серо-коричневые, а сегодня коричневые с серо-голубым.

— Да? Возможно.

Кузнецов внимательнее пригляделся к стенам, и тут же на кухне стал ярче свет.

— Я не просил делать ярче, — щурясь, сказал он. — Лина, притуши этот прожектор.

— Просто перестань щуриться, глупый, — усмехнулась супруга.

Кузнецов последовал ее совету, и свет действительно стал тусклее.

— Этот дом меня с ума сведет.

Дом не обижался на ворчливость хозяина и услужливо включил тому воду в рукомойнике, как только Кузнецов поднес руки к крану. Вода комфортной температуры человеческого тела, чистая, как роса, омыла липкие от меда руки и перестала литься, как только руки были убраны.

— Ты по утрам такой ворчливый стал, — заметила Ангелина, убирая сковородку в утилизатор посуды.

— Да как представлю, что босс опять начнет придираться по мелочам, так и идти не хочется.

— Так не ходи, — игриво улыбнулась супруга и, подойдя к Кузнецову, мягко положила руки на его талию. — Останься дома, скажи, что приболел. А я найду способ поднять тебе настроение.

Он посмотрел в лукавые глаза и почти задумался, чтобы последовать ее совету, тем более что ее близость, после стольких ночей воздержания давала о себе знать. Но он справился с порывом.

— Знаешь, — сказал Кузнецов, — не время. Я и так на плохом счету, а еще и болеть начну. Мужчина я или где? Должен же я добиться в своей жизни хоть чего-то.

— На твоей работе почти не бывает карьерного роста. Ты ведь узкий специалист.

— И тем не менее, — освобождаясь от объятий супруги, чьи пальцы, скрепленные замочком у него за спиной, совсем не хотели расцепляться.

— Ты не можешь от меня бегать вечно, — сказала Ангелина, отпуская мужа. — Я ведь не прошу сделать это именно сейчас, но хотя бы обсудить.

— Ага, — выходя из кухни, бросил Кузнецов, — с тобой только и обсуждать.

Лина последовала за мужем в гардеробную.

— А что не так с обсуждениями? — удивленно спросила она.

— Ничего, — надевая костюм, ответил Кузнецов. — Они абсолютно бессмысленны. Если ты что-то решила, то так и будет. И дело ведь не в капризах или моем потакании, нет. Ты всегда находишь очень веские аргументы, чтобы я согласился. Я не знаю, как ты это делаешь, но я каждый раз оказываюсь в дураках.

— Это не война, милый, — ласково заговорила Ангелина. — Мы рассуждаем, убеждаем, выслушиваем.

— И делаем, как ты говоришь, — закончил мысль Кузнецов. — Что, черт возьми, с этим зеркалом? У меня уже голова кружится от него.

Трехмерное зеркало едва заметно меняло угол отражения, пытаясь намекнуть мужчине, что тот не до конца заправил рубашку в брюки, и теперь ее кусок неаккуратно болтался сзади под пиджаком.

— Ты вечно воюешь с окружением, — с укором сказала жена и сама заправила рубашку, — а оно всего лишь хочет тебе помочь.

— Чем мне помогут дети, — наконец собравшись на работу, спросил Кузнецов.

— Они сделают твою жизнь осмысленной, насыщенной, интересной.

— У меня и так все хорошо.

Дверь на улицу попыталась самостоятельно открыться, лишь только Кузнецов поднес руку к ней. Однако мужчина схватился на дверную ручку и не позволил ей этого сделать, крепко сжимая металл, он распахнул ее сам.

— Ты упрямец, но я тебя люблю, — сказала Ангелина вслед уходящему мужу.

— И я тебя, — ответил тот, не оборачиваясь. — Но, пожалуйста, не дави. Я понимаю, что никуда не денусь от этого

решения, но мне нужно время.

— Хорошего дня тебе, милый, — успела сказать супруга, прежде чем он захлопнул дверь.

2

Как только закрылась входная дверь, Кузнецова окликнул голос соседа:

— Приветствую! На работу?

Кузнецов в ответ кивнул, не утруждая себя словами. Ему не хотелось общаться с соседом, ни теперь, ни вообще. Но Петр не сдавался.

— Чудесное утро, не правда ли?

— Чудесное, да, — ответил Кузнецов и посмотрел на часы. Служебное такси почему-то задерживалось.

— А вы видели, как распустились мои розы? — продолжал Петр, показывая на куст.

Кузнецов понимал, что поводов игнорировать соседа у него нет, и потому пришлось подойти ближе к смежному участку, где возился неутомимый садовод-любитель. В нос ударил сильный аммиачный запах удобрений, смешанный с ароматом цветов.

— Очень красивые, — похвалил Кузнецов цветы и хотел было сделать шаг в обратную сторону, но соседский голос вновь воззвал:

— А эти георгины, как они вам?

— Ничего.

— Вашей жене очень нравятся. Просила у меня семена.

Петр довольно погладил себя по чуть выпирающему животу и самодовольно улыбнулся.

— Надеюсь, вы не возражаете? — спросил он.

— Против чего? — не понял Кузнецов.

— Ну, что я дам вашей супруге немного семян?

— Почему я должен возражать?

— Сами знаете, бывают очень ревнивые супруги, — сказал Петр, перейдя на обеспокоенный тон. — Ходят тут, ругаются. Правильно, я ведь не вписываюсь в вашу мужскую команду. Работаю дома. Но знали бы вы, как это непросто. Мебель надо собрать, проверить, покрыть специальным лаком. Да как покрыть! К вечеру так глаза устают разглядывать разводы, что приходится надевать очки.

— А вы переходите на фабрику, там инженеры по технике безопасности не дадут вашему зрению упасть и на сотую долю процента, — мстительно предложил Кузнецов. Он знал, что сосед работает дома не по своей воле, а в силу неспособности уживаться с коллективом, что было странно, учитывая его чрезмерную тягу к общению.

— Да ну их, — отмахнулся Петр. — Фабричная мебель все

равно что мертвая. Нет души.

Хотел сказать Кузнецов по поводу души той мебели, которую сосед собирает из заготовок той же фабрики, но природная вежливость заставила замолчать.

— Кажется, мой транспорт едет, — сказал он и вернулся к своей лужайке.

В коттеджном поселке редко кто имел свой автомобиль — слишком дорогая игрушка. Куда-либо выезжать, когда продукты, одежду и другие вещи доставляют на дом дроны, не имело смысла. Разве что на редкие походы в театр или музей. Тем, кто работал, предоставлялся транспорт, который оплачивал работодатель — обязательное условие трудовой комиссии. Поэтому появление Форда Фьюжн василькового цвета на чистой дорожке поселка можно было заметить еще издалека.

— Хорошего дня! — пожелал Петр, махнув своей огромной рукой.

— И вам, — вежливо, но, как ему хотелось, с ноткой сарказма ответил Кузнецов.

Кузнецов дождался, пока такси остановится возле его дома, и, сверив номера транспортного средства с теми, которые пришли ему в сообщении, подошел к пассажирскому сиденью. Дверь не открылась.

— Откройте, пожалуйста, — попросил Кузнецов, нагнувшись к водителю.

Таксистом оказался щуплый мужчина средних лет в странной желтой майке и чепчике, который больше бы пошел женщине.

— Вы меня слышите, — повторил громче Кузнецов и сильнее дернул пассажирскую дверь.

— Эй, резче давай, — подсказал водитель, не обернувшись.

Кузнецов и так уже не миндальничал и дергал дверь изо всех сил, предчувствуя скорую поломку пластиковой ручки, хрустящей под рукой при каждом рывке.

— Помочь? — спросил вдруг появившийся рядом с автомобилем Петр.

— Справлюсь, — почти прорычал Кузнецов, потея и злясь.

Дверь не поддавалась, пальцы больно саднили от впивающегося в кожу пластика. Кузнецов не выдержал и стал кричать на таксиста.

— Может, вы сами выйдете и откроете!

В этот момент он отпустил ручку, и за дело взялся назойливый сосед.

— Эй, что шумишь, — возмутился таксист. — Вон друг твой открыл.

Кузнецов, не веря своим ушам, обернулся и с досадой

обнаружил самодовольную улыбку Петра, который кончиками пальца тянул на себя ручку открывшейся двери.

— Ты просто не до конца ее поднял, — сказал сосед, распахивая перед Кузнецовым створку. — В этих ручках надо до щелчка.

— Спасибо, — краснея от бешенства и стыда, поблагодарил Кузнецов и быстро залез в машину.

Только когда Форд тронулся, он позволил себе тихо выругаться. Что за утро, почему столько сразу проблем?

Автомобиль шелестел колесами по ровному асфальту, приятно покачивая пассажира, мягкие кожаные сиденья холодили пострадавшие пальцы. Такси выкатилось из поселка и прибавило скорости на шоссе. В окнах замелькал необычный пейзаж: розовые горы где-то вдалеке плавились миражом пустыни, простирающейся от дороги до самых сопок. Обычно на этом отрезке пути Кузнецов забывал о своих проблемах и уходил мыслями за горизонт — туда, куда он однажды обязательно отправится. Но не в этот раз. Теперь он мог думать лишь о проклятом соседе, его странных намеках по поводу его жены, чертовых семенах, воняющих день и ночь удобрениях, чей запах уже, кажется, окутал весь поселок.

И что этому Петру неймется? Есть ведь какие-то нормальные увлечения: спорт, который, кажется, ему не чужд, карты, сериалы, игры. Почему соседа так тянет к другим людям, особенно к женщинам? Может, эта нехватка из-за того, что он работает дома. Кузнецову, например, после работы не то что на жену, на себя смотреть не хочется, так ему надоедают люди. Все самое интересное в их мире происходит в одиночестве, вся индустрия так построена. Интерактивные сериалы и игры лучше проходить одному. И даже секс, ох, как он утомителен и однообразен по сравнению с тем, что предлагает индустрия. И все так живут. Жители поселка годами не видят друг друга, и всем это нравится. Но только не Петру. Черт знает, как у него это выходит, он обязательно зацепится языком с любым мимо проходящим соседом. А уж если это женщина, то он умудряется держать ее разговором часами и при этом не жалеть о потерянном времени. Однако, конечно, Кузнецова больше беспокоило, что и сами женщины благоволили Петру. Женщины — слишком сложные существа, чтобы понять простые радости одиночества. Но, черт возьми, сказать Кузнецову о том, что он хочет дать его жене семян в тот же день, когда она заговорила о ребенке, — это уж слишком.

Верил ли Кузнецов своей жене? Он просто не задумывался. Ему казалось, как само собой разумеющееся, что она ему верна,

любит его, каждый день ждет с работы. Что он ее радость и свет — таким словами она обычно приветствует его дома. Что все эти сериальные драмы в их семье невозможны. Но в голову отчаянно лезли мысли о том, что она теперь дома одна и так соблазнительна. И Петр один, и совсем рядом от его жены, да еще обещает припереться в их дом со своими семенами. Кому вообще нужны живые цветы в мире, где смоделировать и распечатать можно все? Видимо, кому-то нужны.

Форд остановился у высокого здания, на котором значилось большими светящимися буквами: «Фабрика удобных вещей».

Кузнецов не стал прощаться с водителем и благодарить за поездку, как обычно это делает. И дело было не в инциденте с дверью, а в мыслях о доме, заполнивших голову. Мыслях, не покидающих его до самой проходной, где вежливый охранник радушно приветствовал, поднося сканер для отпечатка руки. День только начинался. Трудный, рабочий день.

3

— Не читается, — сказал охранник на входе.

— То есть как? — удивился Кузнецов.

Такое с ним случалось впервые. Обычно сканер очень быстро и точно сканирует отпечаток ладони, и работник, почти не останавливаясь, проходит на фабрику.

— Поднесите руку еще раз, — попросил охранник Семенов.

— Конечно, — ответил Кузнецов и поднес правую ладонь к сканеру.

— Не надо дотрагиваться, — попросил Семенов, немного отводя считыватель отпечатка. Его тоже нервировала данная ситуация.

В должностных инструкциях рекомендовалось не задерживать траффик рабочих. А когда ты изо дня в день выполняешь одну и ту же работу, то даже самые нечеткие рекомендации превращаются в обязанность и выполняются неукоснительно. В конце концов, все, чем жил охранник, весь его рабочий день состоял из простой, но очень важной миссии — быстро и четко подносить сканер к рукам проходящих работников. И делал он это мастерски, спокойно и где-то даже элегантно, как в сериалах про дворецких. Хотя иногда к нему в голову и прокрадывалась мысль, что сканер подносить к рукам вовсе не обязательно. Достаточно прикрепить прибор к удобной стойке и наблюдать, как рабочие самостоятельно отмечаются на проходной. Но Семенов гнал от себя эту мысль. Ведь тогда получалось, что вся его работа должна сводиться к тому, что он будет сидеть возле сканера и наблюдать за потоком людей, спешащих на рабочие места, где их ждут важные и интересные задания.

— Не работает, — сказал раздосадованный Кузнецов, в очередной раз видя красный запрещающий значок на приборе. Казалось, что сегодня весь мир ополчился на него.

— Вы, наверное, слишком торопитесь убрать руку, — нервно сказал Семенов, — попробуйте еще раз. Вот так.

И охранник продемонстрировал, как надо подносить руку к сканеру. Тут же на экране появился зеленый разрешительный знак.

— Я делаю то же самое, — уже злясь, сказал Кузнецов, пробуя снова.

У входа начала скапливаться очередь рабочих. Никто особенно не нервничал и не торопил, но Кузнецов чувствовал, что стал объектом внимания большого количества людей, и ему это очень не нравилось.

Похожие чувства испытывал и Семенов. От переживаний он начал покрываться потом, и его влажным пальцам стало труднее справляться с увесистым сканером, чей гладкий пластик поверхности так и норовил выскользнуть из рук. Прокручивая в голове подобный сценарий развития, Семенов начинал нервничать сильнее, отчего его пальцы становились все более влажными.

— Черт возьми! — разозлился Семенов. — Вы можете просто прямо держать руку, я сам поднесу прибор.

— Успокойтесь, — сказал испуганно Кузнецов, удивленный реакцией обычно невозмутимого охранника. — Вот, я держу руку. Правильно?

Семенов не стал отвечать, и сам понимая, что немного переборщил с эмоциями. Он поднес сканер к руке работника, точно прицеливаясь экраном. Результат не изменился.

— Я ничего не понимаю, — сказал охранник. — Давайте попробуем кого-нибудь другого.

Кузнецов отошел в сторону, пропустив женщину в сером костюме, которую он уже видел раньше, вроде как в плановом отделе. Женщина мимолетно поднесла руку, и сканер тут же мигнул зеленым.

— Теперь снова вы, — скомандовал Семенов.

Кузнецов послушно поднес руку к сканеру и снова получил красный сигнал.

— А вы точно у нас работаете? — спросил охранник, хотя, конечно, понимал, что вопрос странный. Тем более что и без всякого сканера мог утвердительно ответить на этот вопрос, наблюдая Кузнецова, ежедневно идущего на работу и вечером покидающего ее.

— Я уверен, — раздраженно ответил Кузнецов.

— Подождите в сторонке, — попросил охранник и отошел, чтобы связаться по внутреннему каналу с начальством.

Кузнецова уже откровенно разглядывали в толпе, кто-то даже обратился к нему за разъяснением ситуации, на что он только пожал плечами. Наконец Семенов вернулся с удивленным выражением лица.

— Ваш пропуск аннулирован, — растеряно сказал он.

— Как это? — не понял Кузнецов.

— Вот, сообщили. Аннулирован. Сейчас спустится начальство и объяснит.

Теперь для Кузнецова история приобрела и вовсе сюрреалистичный характер. Мало того, что за все время работы он не слышал ни разу о подобном инциденте, так еще и с начальством общался исключительно на верхних этажах

администрации, в больших кабинетах с тяжелой и дорогой мебелью.

Люди быстрым потоком проходили на работу, с интересом поглядывая на Кузнецова, а тот чувствовал себя как провинившийся школьник на всеобщем разборе и только гадал о причинах случившегося.

На фабрике не увольняют людей — это закон. Могу понизить, сократить жалование, даже выписать штраф, но уволить — немыслимо! Но ведь кто-то аннулировал его пропуск. То есть намеренно заблокировал ему доступ на рабочее место. Такое не могло произойти случайно или по ошибке, система отлажена десятилетиями. Человек заступал на работу, обучался, двигался по карьерной лестнице по мере своего мастерства и желания и только потом сдавал все дела и уходил на заслуженную пенсию. Впрочем, работник мог еще и уволиться, но даже тогда пропуск аннулировался спустя долгие шесть месяцев, давая человеку осознать свою ошибку. Все эти подробности Кузнецов знал от того же говорливого соседа по дому.

Все это знал и Семенов. Продолжая орудовать сканером, он нет-нет да поглядывал на Кузнецова. Всякое бывало в его работе, но чтобы человеку аннулировали допуск без объяснения причин — это нонсенс. И это значило, что Семенов что-то не понимает в своей работе, а он этого очень не любил. С другой стороны, появился повод посплетничать с напарником и сменщиком, да и дома будет что рассказать. Семенову даже захотелось поподробнее расспросить незадачливого работника о его специализации и, кто знает, может быть, даже узнать что-то о личной жизни. Но только он приготовился, чтобы обратиться с первым вопросом к Кузнецову, как рядом вырос сам директор завода, в своей неизменной серой жилеточке, которую, казалось, не снимал никогда.

Директор — лысеющий толстяк с грустными глазами, минуя охранника, сразу подошел к Кузнецову.

— Это я аннулировал ваш пропуск, — сходу сказал директор.

— Вы? — удивился Кузнецов. — Я что — уволен?

— Уволены? — рассмеялся директор. — Нет, конечно. Кто здесь вообще увольняет людей. Мне просто срочно надо было с вами поговорить, прежде чем вы приступите к своим прямым обязанностям. Это касается вашего изобретения. Но не будем на виду у всех, пойдемте, поднимемся ко мне в кабинет и все обсудим.

— Так вы подтверждаете, что это работник нашей фабрики, — спросил Семенов, не желающий так просто расставаться с интересной историей.

— Что за вопрос, — растерялся директор. — Конечно, подтверждаю. Я же объясняю, срочно надо было поговорить до работы. А где я еще могу его задержать в это время? Вы не волнуйтесь, пропуск уже восстановлен.

— Проверим, — не поверил Семенов.

— Потом проверите, мы спешим, — засуетился директор и потащил Кузнецова за рукав пиджака.

— По инструкции я обязан проверить, — настаивал охранник. — И во время входа и во время выхода.

Кузнецов безропотно поднес ладонь к сканеру, не ожидая ничего хорошего. Но, о чудо, экран загорелся зеленым, и Семенову не оставалось ничего кроме как пропустить работника на фабрику.

Стабильный мир охранника немного пошатнулся, но не сказать, чтобы Семенов был этим сильно расстроен. Только сейчас, продолжая подсовывать сканер под ладони, он понял, как ему повезло нарваться на Кузнецова — яркую вспышку в полной темноте унылой работы.

4

Директор фабрики не имел вкуса, но располагал большими ресурсами, поэтому обстановка в его кабинете точно соответствовала характеру хозяина, а также его росту, весу и даже немного цвету лица — всегда умеренно загорелому. Александр не думал про удобство сотрудников, только о своем, поэтому подчиненным, если они обладали ростом выше ста семидесяти сантиметров, приходилось несладко.

Кузнецов как раз относился к этой категории. Еще на входе он умудрился треснуться головой о коробку двери, а затем долго пытался устроить длинные ноги под довольно низкий стол.

— Вы, наверное, удивляетесь, почему я вас пригласил? — лучезарно улыбаясь, спросил директор.

— Меня, скорее, обескураживает способ, — ответил Кузнецов. — Не каждый день узнаешь, что твой пропуск аннулирован.

— О, не берите в голову, — сказал Александр. — Простая формальность. Нам пришлось так поступить, чтобы выдать вам новое удостоверение. Классом выше. Вы понимаете, о чем я?

— Меня повысили?

— Еще нет. Но это вопрос почти решенный. Ваша самоочищающаяся щетка для бытовой мебели превзошла все ожидания. Таких закупок наша фабрика давно не знала. Ее хотят буквально все: мужчины, женщины, другие.

— Что же, приятно слышать.

Кузнецов наконец позволил себе улыбку, которая совершенно искренне возникла, даже больше не от похвалы начальника, а от того, что удалось наконец комфортно разместить ноги под столом. Правда, для этого пришлось с усилием продвигать колени вперед, продираясь сквозь крепления не фабричного изделия, что, кажется, привело к небольшой ссадине на левой ноге. Но то удовольствие, которое Кузнецов получил, разогнув ноги, было несравнимо больше, чем легкая боль от небольшой травмы.

— А мне как приятно, — ответил директор. — Я, конечно, не хочу приписывать всех заслуг себе, но все же уверен, что ваш успех напрямую связан с тем уровнем оснащения в отделе, где вам посчастливилось трудиться, с той атмосферой, что создается на фабрике, и с тем графиком, что разработал я лично.

Директор ожидающе посмотрел на Кузнецова. Тот не знал, что ответить на этот бред, и просто кивнул. Окрыленный одобрением, Александр продолжил:

— Поэтому я решил лично взять в свои руки ваш новый проект.

— Я сейчас занимаюсь ножами, — неуверенно сказал Кузнецов. — Там вряд ли возможны какие-то инновации.

— К черту ножи, — почти выкрикнул директор. — Отдадите их обратно в плановый отдел. Сотрудники с такими мозгами, как у вас, должны заниматься поистине важными вещами.

— Вы говорите…

— О новой самоочищающейся щетке для бытовой мебели! — победно вскинув руку вверх, провозгласил Александр. — Мы назовем ее «Щетка два ноль». Тут нужна преемственность, и в то же время показатель инновационности. Ее купят все. Те, кто уже имеют щетку первого поколения и успели оценить все плюсы устройства, точно захотят обладать более совершенной версией. А свои щетки они отдадут тем, кто и не собирался их покупать, и те тоже захотят потом новинки. Понимаете, Кузнецов, мы с нашими щетками завоюем весь мир!

Кузнецов и не думал как-то возражать или спорить. Александр давно славился своими непомерными амбициями, которые не раз ставили фабрику на грань банкротства. И уж, конечно, никакая «Щетка два ноль» не станет суперхитом, как не стала «Ложка для обуви нью» или «Коврик придверный лонг».

— Что вы молчите? — спросил директор, приосанившись. — Или вы, как те неудачники, начнете мне доказывать провальность идеи? Запомните, только смелые люди с размахом могут покорить этот мир.

— Я и не думал вам ничего доказывать, — поспешил заверить Кузнецов. — Наоборот, от радости в зобу дыханье сперло. Жду не дождусь заняться своим любимым изобретением и как можно сильнее его улучшить.

— Молодец! — обрадовался Александр. — Хоть кто-то в этом болоте меня понимает. Только вот что, — директор сделал голос тише, — вы не очень-то афишируйте ваши старания. И берегите идеи. Идеи в нашем мире на вес золота. Не торопитесь внедрять все подряд. Придумали одно улучшение — и сразу на конвейер. Придумали два — выберите, что попроще. Смекаете?

— Честно говоря, не очень.

— Ну что вы, Кузнецов. Это же и младенцу должно быть понятно. Не надо вываливать на людей всю манну небесную. А то они обрадуются один раз и больше радоваться не будут. Станем выдавать по одной инновации за раз, и тогда те, кто купит щетку два ноль, захотят через год купить новую, более усовершенствованную щетку три ноль, а затем четыре ноль, пять ноль. Смекаете?

— Теперь, кажется, да, — ответил Кузнецов чуть более грустным голосом.

Но дело было не в перспективе всю жизнь придумывать новые щетки, а в утреннем разговоре с женой, о котором ненарочно напомнил директор, заговорив о младенцах.

— В чем дело? — спросил Александр. — Не хотите стать ведущим изобретателем на нашем предприятии?

— Хочу, — почти честно ответил Кузнецов. — Только вот я совсем не буду видеть семьи. А вы же понимаете, молодая семья, могут появиться дети.

— Так ведь это замечательно! — обрадовался директор. — Дети, жена — все это просто прекрасно! А знаете почему, потому что семья — это траты. Да-да, мой друг, это еще какие траты. Одежда, еда, подгузники, игрушки, соски, пеленки, снова подгузники. Бесконечное количество денег прочь из семьи. А тут как раз я, с новым предложением. Вы поймите, Кузнецов. Теперь у вас будет все: и деньги, и слава, и возможности.

— И отпуск?

— Отпуск? — удивился директор. — Кому нужен отпуск? И что вы там собираетесь делать, лежать на пляже и две недели пить. Я вам говорю о жизни, настоящей, насыщенной, реактивной. Ваше имя может стать нарицательным, как вот у этой кофемашины.

Александр подошел к названному устройству и запустил простую программу готовых напитков.

— Никто уже не помнит, как назывались эти шарики с готовым коктейлем, но, если ты спросишь, какой Верикс ты пьешь, каждый тебе расскажет точную формулу. А почему? Потому что Ильф Петрович Верикс первый придумал делать готовые напитки для кофемашин. Это же сколько разной возни было? Зерна насыпь, смели, обвари, потом молоко или шоколад добавь, карамель еще. Все это течет, мажется, пропорции повторить сложно. Брр. Нет, пробовали, конечно, обойтись порошками, но разве эта невкусная химоза сравнится с настоящим кофе? А теперь же. Просто выбираешь из сотни тысяч подходящий тебе Верикс, и вуаля — любимый напиток готов.

Кофемашина издала еле слышный звук, и кабинет наполнился запахом шоколада с корицей.

— Ты, кстати, не хочешь? — спросил директор.

— Нет, спасибо, — отказался Кузнецов.

Ноги под столом очень хотели свободы и хотя бы еще разок согнуться, поэтому задерживаться в кабинете начальника еще и на чаепитие он точно не желал.

— И все же отпуск молодой семье бывает нужен, — снова

попробовал Кузнецов.

— Да будет тебе отпуск, — разозлился Александр. — И повышение зарплаты, и премии — все будет. Сделаешь новую щетку и езжай куда хочешь.

— Спасибо, — обрадовался Кузнецов.

— Только помни, жизнь — штука коротка. Можно ее всю жизнь проотдыхать, а можно прожить.

На этой мудрости директор повернулся к окну, показывая, что разговор закончен.

Кузнецов поспешно выбрался из-за стола, снова ободрав ногу о криво сделанный дизайнерский предмет мебели, и молча покинул кабинет.

5

Пробираясь на свое рабочее место, Кузнецов поглядывал на экраны компьютеров своих коллег, благо, пространство открытого типа, где все вынуждены сидеть за прозрачными перегородками, легко позволяло сделать это. Видимо, именно такая открытость, по мнению директора, и означала комфортные условия. Но черта с два они были комфортными. Мало того, что ты чувствовал себя здесь аквариумной рыбкой, на которую все глазеют, так еще и имел счастье наслаждаться ароматами коллег. Что уж говорить про звук, который даже при условиях строжайших запретов на постороннюю деятельность, оглушал своей многогранностью. Щелчки степлеров задавали ритм, бесконечные принтеры и факсы выполняли роль расстроенных скрипок, клацанье клавиатур довершали эту какофонию, нивелируя общий фон шорканий подошв, скрипа стульев и гряканья выдвижных ящиков. Кроме того, работа в проектном отделе велась таким образом, что каждый конструктор фактически являлся конкурентом собрату. Ведь финансирование было ограничено, а изобретений полно. Поэтому работа на огромных мониторах компьютеров велась нервно, быстро и очень скрытно. Последнему способствовали защитные пленки, сужающие углы читаемости экранов. И все же разглядеть кое-что можно было, чем часто пользовались наименее успешные изобретатели.

Но Кузнецов не пытался разглядеть что-то на экранах коллег, он вообще мало что видел вокруг себя, погруженный в мысли о предстоящей работе. Чертова щетка еще в прошлый раз ему надоела, как может надоесть старая игра, в которую ты наигрался еще в детстве. Хотелось чего-то нового, творческого, интересного. Но Александр четко обозначил, чего хочет от работника.

Кузнецов тяжело вздохнул, садясь за свой стол. Запустил компьютер и нашел в архиве старых разработок ту самую успешную щетку. Что еще он мог прикрутить к этому простому и глупому устройству? Впрочем, всегда выручали электронщики. В любую, даже совершенно бесполезную вещь, вроде подголовника кресла, дверной ручки или раковины, они могли встроить все самое модное и современное. Так появлялись зубные щетки с инфракрасной подсветкой, бритвы с радиоприемником и расчески с обогревом. Значит, и здесь можно было придумать что-то похожее.

А что если к щетке приделать вибромотор, ее можно выдать за полуавтоматическую. Конечно, с точки зрения энергоэффективности это полный провал, но сделать приятный

на ощупь пластик, добавить небольшой термоэлемент для приятного взаимодействия с устройством, и вот — «Щетка 2.0» готова. Наверняка такие новшества на первых порах вызовут недоумение у покупателей, но скоро каждая домохозяйка захочет себе такую штучку. Точно! Сделать ее не из мягкого пластика, а из силикона, чтобы легче было мыть. А еще можно будет выпускать сменные ручки разных цветов, ведь силиконовые будут изнашиваться, да и надоедят быстро. Можно еще поработать над фактурой сменных ручек: гладкие, ребристые, с пупырышками. Ой, что-то это слишком.

Кузнецов отстранился от стола и сам себе улыбнулся. Все-таки долгое воздержание давало о себе знать. Впрочем, именно сексуальность его изобретения сделала его таким популярным. Жены по всему миру вдруг озаботились чистотой всех укромных мест в доме, потому что бесконечные насадки позволяли без труда убрать пыль откуда угодно. Мужья же, наблюдая, как их жены ползают под диванами и забираются на стеллажи, испытывали на себе «феномен домохозяйки», открытый не так давно известным ученым, который отметил явное повышение мужского либидо при выполнении супругой работ по дому.

— Чему улыбаешься?

Кузнецов повернулся на голос.

— Что-то веселое у тебя там? — спросил подошедший коллега.

— В каком-то смысле, — ответил Кузнецов, пожимая руку приятелю.

С Сорокиным они не были уж очень близкими друзьями, но если бы кто-то спросил Кузнецова про коллегу, с которым можно не только обсудит работу, но и просто приятно поболтать обо всем, то он бы, не задумываясь, указал на Игоря. И на то были причины. Игорь Сорокин отличался от основной массы людей, с которыми Кузнецову приходилось взаимодействовать на фабрике. Игорь не считал себя пупом земли, не лебезил перед начальством, с иронией относился к своим профессиональным качествам и в целом не рассчитывал на золотые горы. Зато он любил жизнь в любых ее проявлениях.

— О, Господи! — громогласно пропел Сорокин на манер католических священников. — Неужели тебя снова заставили делать эту пылетерку?

— Ага, — подтвердил Кузнецов, улыбнувшись.

Его не очень пугало, что другие работники услышат про его задание. В глубине души он даже хотел, чтобы кто-нибудь украл эту идею.

— О, несчастный, — продолжал кривляться Игорь. — За

какие грехи тебе это.

— За успех прошлой вариации и ради будущего повышения, — подыграл приятелю Кузнецов.

— Алчный безумец! Тебя поглотила Мамона.

Сорокин громко расхохотался и, чуть нагнувшись над Кузнецовым, продолжил более тихим голосом:

— Но я тебе завидую. Мне тоже досталось усовершенствование.

— Твоя мультиварка? — предположил Кузнецов, пытаясь вспомнить, чем его коллега занимался раньше.

— Не-а.

— Автомобильный пылесос?

— Опять мимо.

— Контейнер для переработки мусора?

— Если бы.

— Тогда… ммм… А, вспомнил. Наверняка твоя суперполезная обеззараживающая дорожка.

— Все-все, прекрати мне сыпать соль на раны. Ни одно из этих замечательных устройств не приглянулось начальству.

— Тогда что?

— Гильотина, — тяжело вздохнул Сорокин.

— Что?

— Да-да, чертова гильотина.

— Да кому она нужна вообще? Прости, конечно.

— Все в порядке. Прав ты, бесполезная штука, — Сорокин почесал шею. — Я ее сделал, будучи в ужасном расположении духа. Знаешь, когда жить не хочется. У тебя не бывает?

— Нет, — пожал плечами Кузнецов.

Ему почему-то стало неловко за друга.

— Не бери в голову. Просто что-то депрессия накатила. Но я даже предположить не мог, что она будет продаваться. Подумать только, в мире, где почти уже никто не курит, всем понадобилась гильотинка для сигар. И это при том, что сигары сами по себе — редкое увлечение. Но кто же знал, что производители сигар включат ее в подарочный комплект? Даже у нашего босса есть такой, видимо, оттуда и заказ.

— Сочувствую.

— Да брось. В гильотине есть даже какой-то шарм. Если бы мне пришлось усовершенствовать щетки, я бы точно повесился.

Сорокин замолчал, уставившись в одну точку.

— Это всего лишь работа, — решил поддержать его Кузнецов.

— Это да, — вышел из ступора Игорь. — Я просто думаю, что, если вдруг захочу сделать гильотину в полный размер, она тоже найдет своего покупателя.

С этим словами он пошел на свое рабочее место, по пути задевая выставленные корзины для мусора. Кузнецов проводил коллегу взглядом и повернулся к экрану своего компьютера.

Он мог понять Сорокина — их жизни однообразны и скучны, и кажется, что совсем бессмысленны.

Если нет желаний. Вот у Кузнецова есть, и даже не одно. Во-первых, он уже черт-те сколько не был в отпуске. Вернее, он вообще не помнил, что когда-то в этот самый отпуск ходил. Но он много слышал про это волшебное время и про места, которые люди посещают на отдыхе.

На заставке его компьютера синело море, такое прекрасно-далекое, бескрайнее, вечное. Кузнецов погрузился в этой пейзаж, забыв на минуту и про начальство, и про работу, и даже про эту злосчастную щетку. Он представил себя там — на песке, рядом с Линой, в лучах заходящего солнца.

Вспомнив о жене, Кузнецов теперь задумался и о другом аспекте своей жизни. Дети? Готов ли он? Наверное, готов. Он никогда не думал о детях, об ответственности, о заботах, но мысль, что в их жизни появится кто-то настолько важный, кто заставит забыть о себе, немного пугала. И в то же время будоражила. Кузнецов вдруг представил, как идет с сыном на фабрику и показывает свое рабочее место, как объясняет ему, что такое работа, для чего нужны деньги, как устроен мир. Впрочем, этого Кузнецов и сам не до конца понимал, но дал себе слово, что обязательно разберется. Для него — маленького человечка, который только начнет жить.

6

На экране рабочего компьютера появилась надпись «Обед», и Кузнецов с неохотой встал из-за стола. Трудовой комитет строго следил за тем, чтобы сотрудники фабрики вовремя получали ресурсы, поэтому ни начальство, ни даже сами работники не могли пропустить прием пищи, как бы им этого ни хотелось. Кузнецов терпеть не мог эту обязанность — ходить в столовую среди дня. День приходилось делить надвое, рассчитывая успеть сделать часть проекта до или после перерыва. Долгие паузы в почти творческой деятельности изобретателя были смерти подобны.

В столовой вкусно пахло жареным мясом и хлебом, при том, что ни того, ни другого на самом деле приготовлено не было. Фабричная столовка, как и большинство заведений общепита, перешла на суррогатную пищу из принтеров. Единственное, чем могло похвастаться такое место, так это набор рецептов, которые тщательно подбирались под индивидуальные вкусы работников, и ароматизаторы, призванные разжигать аппетит.

— Андрюха! — позвал Кузнецова Игорь, который уже успел устроиться за одним из столов.

— Ты уже здесь, — удивился Кузнецов, подсаживаясь к коллеге.

Он знал, что Сорокину до столовой идти дальше, а табличка «Обед» загорается у всех в одно время.

— Да, я сюда сразу от начальства, — пояснил Игорь.

— Тоже что-то предлагали?

— Угу. Реабилитацию.

«Реабилитацией» сотрудники между собой называли посещения медицинского центра при фабрике, где под чутким руководством психиатра Искин запускал программу, восстанавливающую душевное здоровье работника. Это было чем-то вроде гипнотерапии с использованием фармацевтических средств и мозговой стимуляции. Обычно люди после такой процедуры долгое время чувствовали себя бодрыми и счастливыми. Но такое состояние совсем не способствовало работе, да и личной жизни. Тревожное состояние, необходимое творцам для работы и не творцам для принуждения себя к любым сложным делам, возвращалось после «реабилитации» медленно и неохотно. Поэтому саму процедуру не любили, но использовали под давлением начальства. Руководству же фабрики эти рекомендации направлял всевидящий Искин, круглосуточно наблюдающий за работой на производстве.

— За что тебя? — спросил Кузнецов.

— Кто его знает, — Сорокин нервно почесал шею. — Может, наш с тобой разговор про гильотину подслушали. Ты же знаешь, сейчас все перестраховываются. Ненавижу реабилитацию.

— Понимаю. Сегодня пойдешь?

— После обеда. Хоть поем, как человек. Где эти железяки с подносами?

Передвижные подносы, оборудованные амортизированными шасси, автоматически развозили еду посетителям столовой. Правда, делали они это неспешно и в порядке живой очереди.

— Надоела эта тупая работа, — сказал Игорь. — Никогда не думал, что мы с тобой вроде этих блинов на колесах, как механические чушки, бегаем по одним и тем же маршрутам?

— Разве? — не согласился Кузнецов. — Мы ведь изобретаем, фактически из ничего создаем что-то новое.

— Да где же новое? Щетки твои или мои игрушки для курильщиков — новое? Все, что мы изобретаем, так или иначе уже придумали до нас. Мы просто усовершенствуем, в лучшем случае. Все какое-то бессмысленное и жалкое. Почему мы не строим ракеты для полета в космос, не изобретаем новые материалы, не сочиняем музыку?

— Наверное, потому, что мы работаем на фабрике удобных вещей, — улыбнувшись, ответил Кузнецов.

— А что, ты видел другие производства? Вот кто, например, делает этих черепах? — Сорокин показал на подъехавшие к их столику подносы.

— Не знаю.

Кузнецов забрал свои блюда и, видя, что его приятель не торопится сделать то же самое, забрал и его тарелки.

— А может, их и не существует?

Игорь пододвинул свою тарелку к себе.

— Как это, — не понял Кузнецов. — Если есть продукция, ее обязательно кто-нибудь производит. То, что мы не знаем, кто и где это делает, совсем не означает, что их не существует.

Сорокин угрюмо замолчал и стал яростно ковырять в своей тарелке свежераспечатанный бифштекс.

Кузнецов тоже не стал продолжать дискуссию и принялся за еду. В его тарелке красиво и крайне аппетитно расположились две котлеты и рис, рядом стоял салат из потрясающе хрустящих овощей, приправленных ароматным оливковым маслом. Еда в столовой хоть и была распечатана в точно таком же, как дома, принтере, но почему-то выглядела настоящей. Видимо, все дело было в процессе приготовления, вернее, в том, что сам процесс посетитель столовой не видел. Столовская пища — гораздо лучше

домашней.

— На тебя посмотреть, так ты просто до чертиков доволен своей жизнью, — сказал вдруг Игорь, так и не притронувшись к еде.

— Нет, почему, — похрустывая сочным салатом, ответил Кузнецов, — у меня тоже, знаешь, много сложностей. Просто на сытый желудок с ними проще справляться.

— Да ты посмотри на это уныние! — вдруг выкрикнул Сорокин и обвел зал рукой. — Мы точно как роботы стали. Потребляем — заряжаемся — работаем. Потребляем — заряжаемся — работаем. Потребляем — заряжаемся… И так до бесконечности. Тебе не страшно?

— А что страшного-то? — удивился вспышке друга Кузнецов. — Нормальные, спокойные люди. Ответственные даже, работают. Семьи у всех, дети вот даже.

— У меня нет детей, — сказал вдруг Сорокин. — У тебя, кстати, тоже. Я даже подумываю, что ни у кого их нет.

— Как же нет. На улице постоянно кто-то играет, смеется. Начальник часто не к месту хвастается фотографиями семьи. Да и у меня, похоже, скоро будет.

Кузнецов отложил вилку и грустно вздохнул:

— Хотя, честно говоря, я не уверен, что готов. Но жена вдруг стала про это говорить. Твоя тоже тебе намекает про это?

— Нет, — пожал плечами Игорь. — Мы с ней почти и не разговариваем. Она мне вообще, кажется какой-то безразличной ко всему. Словно она тоже машина.

— Ты, кажется, помешался на роботах, — усмехнулся Кузнецов. — Может, действительно, реабилитация в твоем случае — не такой уж плохой вариант.

— Я не псих! — вдруг снова вспылил Игорь, резко поднявшись из-за стола, отчего его тарелка с бифштексом полетела на пол.

Раздался звон битого стекла, и Кузнецов почувствовал, как все взгляды в столовой обратились на них.

— Тише ты. Я вовсе и не считаю тебя психом. Просто, похоже, тебе действительно нужен отдых, разрядка. Не обязательно реабилитация. Возьми выходной за свой счет, съезди куда-нибудь или дома побудь, отдохни.

— Наверное, ты прав, — быстро успокаиваясь, сказал Сорокин. — Просто нервы.

Игорь сел на свой стул, и Кузнецов с облегчением ощутил, что на них перестали обращать внимание.

— Нервы. Гильотина еще эта чертова.

— Я уверен, ты быстро с ней справишься, а потом займешься

действительно чем-то стоящим.

— Надеюсь, — неуверенно кивнул Сорокин. — Дети, говоришь? — вспомнил он.

— Вот что действительно заставляет нервничать, — сказал Кузнецов.

— А что, дети — это интересно, — Игорь внезапно улыбнулся. — Говорят, появляется смысл.

— Смыл чего?

— Продолжать жить.

Больше за обедом они не разговаривали. Сорокин заказал себе новый бифштекс, а Кузнецов доел рис и отправился на рабочее место, оставив приятеля в мрачном раздумье. Сам он так и не решил — хочет ли он детей. Он понимал концепцию: забота, ответственность, любовь — все это действительно должно было подарить смысл жизни. Но его смущало то обстоятельство, что жизнь, которую предполагалось наполнить разумным основанием, он еще совсем и не знал.

7

С появлением на экране компьютера надписи «Конец рабочего дня» фабрика останавливалась, и в течение десяти минут, позволяющих сохранить проекты, переходила на режим экономного энергопотребления. Сотрудникам ничего не оставалось, кроме как отправляться домой. За каждым приезжало персональное беспилотное такси, каждый раз разное. Кузнецову всегда казалось странным, что на работу ему приходилось ездить с водителем, а возвращаться в одиночестве, хотя в душе он был этому рад. Для того чтобы перестроиться в домашний режим, нужно как можно меньше стрессовых факторов, одним из которых, конечно же, являлся бы недружелюбный шофер.

Но только в этот раз Кузнецову избежать стрессов не удалось, даже несмотря на автономность машины. Все началось с того, что автомобиль, который ему достался, приехал с опозданием на двадцать минут. Кузнецов сел в мягкий кожаный салон, пахнущий ванилью и кокосом, и, как положено, пристегнулся. Но не успело авто проехать и десяти метров, как программный ассистент сообщил, что машине необходимо зарядиться. После чего его Т-мобиль отправился на станцию обслуживания, забыв выпустить пассажира.

Кузнецову пришлось куковать в закрытом авто полтора часа, после чего ассистент радостно сообщил, что теперь они могут продолжить движение по маршруту.

— Чертова железяка! — выругался Кузнецов.

Система автоматического пилотирования проигнорировала его реплику.

Кузнецову очень хотелось домой, забраться в удобное массажное кресло, нацепить на себя очки виртуальной реальности, чтобы посмотреть сериальчик или сыграть во что-нибудь новое. Вместо этого ему приходилось тащиться в умном ведре на колесах уже бог знает сколько времени.

Наконец автомобиль подъехал к дому. Кузнецов потянул за ручку и… Ничего не произошло.

— Откройся ты уже, — налегая на дверь, зарычал он на машину.

Но беспилотник словно умер: погасли все лампочки приборной панели, перестал позвякивать моторчик климат-контроля.

— Да что за чертовщина здесь творится?

Кузнецов стал неистово дергать ручку, упираясь плечом в твердый пластик двери. Бесполезно. Выбраться не удавалось. Тут

он вспомнил, что в каждом таком беспилотнике установлен передатчик для связи с диспетчером, который должен в случае поломки автомобиля принять меры.

Кузнецов осмотрел салон и нашел небольшую серую кнопку прямо на потолке и надавил на нее. Однако никакой реакции не последовало. В автомобиле словно сразу вышли из строя все системы.

И в этом момент Кузнецова вдруг охватила паника. Он вспомнил все, что ранее читал про герметичность салонов таких машин, про смерть от удушья, про вирусы, поражающие системы, контролирующие подробный транспорт.

По спине пробежал холодок, потемнело в глазах, появилось ощущение невероятной жары. Захотелось не просто покинуть закрытое пространство, но сделать это немедленно, сейчас же.

Кузнецов начал бить кулаками по стеклу, разбивая костяшки в кровь. Казалось, что еще чуть-чуть, и закаленное стекло поддастся напору, но это было обманчивое ощущение. От резких движений, от боли в отбитых пальцах ему становилось все хуже, и в какой-то момент Кузнецов понял, что теряет сознание. В последнем отчаянном рывке он навалился на дверь и — о чудо! — она открылась.

Прохладный воздух улицы ворвался в салон автомобиля, возвращая перепуганному пассажиру возможность дышать.

— Все в порядке? — спросил Петр, распахивая дверь. — Я увидел, что у тебя возникли трудности. Знаешь, эти тачки крайне ненадежны.

— Спасибо, — ответил Кузнецов, буквально вываливаясь на лужайку возле собственного дома.

— Все нормально?

Сосед подскочил к Кузнецову и, взяв за руку, помог подняться.

— Да, уже лучше, — чувствуя, как возвращается нормальное дыхание, ответил Кузнецов.

— Помочь дойти? — спросил сосед, с тревогой вглядываясь в спасенного.

— Я в порядке, — успокоил его Кузнецов, — просто эта машина…

В этот момент Т-мобиль ожил и почти моментально сорвался с места.

— …Похоже, сломана, — закончил мысль Петр. — Пойду сообщу в сервисную службу. Не дай бог, собьет кого-нибудь по пути. Ты сам дойдешь?

— Конечно, — ответил Кузнецов.

Меньше всего ему сейчас хотелось возиться с взбесившейся

машиной. Несмотря на свое отношение к соседу, в данный момент он был очень благодарен Петру, хотя стыд, за свое «немужественное» поведение перед потенциальным соперником уже понемногу наполнял его сердце.

Он подождал, пока сердобольный сосед скроется в своем доме, и пошел к себе. Не доставая ключа, он позвонил. Дверь в его «крепость» открыла ослепительно красивая супруга в сногсшибательном вечернем платье.

Кажется, этот долгий сложный день и не думал заканчиваться.

8

— Где ты был так долго? — возмущенно спросила Ангелина.

— Мое такси утащило меня на зарядочную станцию, — ответил Кузнецов и, не раздеваясь, плюхнулся на диван в гостиной.

Его тут же обволокло уютом дома, мышцы расслабились, а искусственная мебельная кожа приятно остудила затылок.

— Что за бред? Такие машины не подают разряженными.

— Ну, значит, какой-то сбой. Сделаешь мне сладкого чая? Чувствую себя как выжатый лимон.

— Какой чай, Андрей? Ты забыл, что мы сегодня идем в театр?

— Что? — Кузнецов даже привстал от возмущения, собираясь сказать, что это очень глупая шутка.

После такого-то дня он вообще никуда не собирался выходить из дома. Но Ангелина была уже в платье, его костюм висел на вешалке в прихожей, а выражение лица супруги говорило о том, что настроена она решительно.

— Слушай, Лин, — попробовал Кузнецов. — Театр — это такая скука. Надо сидеть, вникать, строить из себя джентльмена. А у меня совсем нет сил. Мало того, что меня сегодня огорошили на работе старым-новым проектом, так еще и такси чуть не убило, спасибо соседу — вытащил.

— В каком смысле вытащил?

— Я же говорю — такси пыталось меня убить. Двери захлопнулись и не открывались. Я реально мог задохнуться.

— Не мог ты задохнуться, — не согласилась супруга. — В таких машинах предусмотрена система безопасности. Да и выйти ты мог в любой момент — блокировка дверей работает только снаружи. Изнутри ее всегда открыть можно.

— Но не в этот раз. Поверь, я себе чуть плечо не выбил, пытаясь выбраться на улицу. Смотри.

И Кузнецов продемонстрировал сочащиеся кровью костяшки.

— Ужас какой, — воскликнула Ангелина и подсела к мужу. — Как же я тебя поведу в таком виде в театр.

— Тебя только это волнует?

Ангелина видела, что супруг не притворяется и действительно страдает от перенесенного стресса. Она нежно взяла его кисти в свои и аккуратно дотронулась до ссадин.

— Очень больно? — спросила она.

— Нет, — сделав геройскую мину, ответил Кузнецов. — Просто весь день, такси это, начальник… Я не хотел бы никуда

идти. Давай останемся дома. Обсудим все. У нас ведь есть о чем поговорить. Я много думал о будущем. Кстати, начальник намекнул на повышение, и это может вполне поспособствовать…

— То есть ты не пойдешь в театр, — грубо отстранив его руку, спросила Ангелина.

— Да как ты можешь! Я тебе о серьезных вещах говорю, о нас, о работе, о детях.

— Я полгода назад тебе сказала, что купила билеты, — не слушая мужа, взвилась Лина. — Заранее заказала платье, твой фрак. Изучила постановку. Планировала, как мы с тобой по дороге обсудим ее, потом поделимся впечатлениями. Ты ведь даже не знаешь, кто такие Вачовски! Я тут целый день сижу в четырех стенах. Всего раз. Один лишь раз за полгода я решила выбраться куда-то. И что я слышу? Я устал. Я не хочу никуда идти. Ты чертов эгоист! Такси его заперло. Чушь какая-то. Еще Петра заставил участвовать в этом фарсе.

— Да я же, правда…

— Видеть тебя не хочу! — выкрикнула Ангелина и, сдерживая слезу, чтобы не потекла тушь, выбежала из комнаты, оставив после себя шлейф цветочных ароматов дорогих духов.

— Да-е, — горестно выдохнул Кузнецов.

Он всегда удивлялся этой особенности женщин — полностью переключать внимание на себя. Казалось, вот же: его должны повысить, ему предстоит разработать одну из самых хитовых домашних утварей, которая сделает их знаменитыми, беспилотник фактически совершил покушение — немыслимо. Но нет, он только и может думать сейчас о том, что его жена сильно расстроена и где-то в доме плачет навзрыд. А он, гад такой, бесчеловечная скотина, фактически испортил ей единственный за полгода важный день.

Еще раз тяжело вздохнув, он нехотя поднялся с дивана и поплелся искать свою ненаглядную, единственную в мире важную для него женщину.

Нашел он ее на кухне. Ангелина смотрела в окно. Кузнецов подошел к жене и обнял за плечи.

— Извини, — сказал он. — Трудный день. Я просто не понял, что для тебя этот выход так важен. Мы еще успеваем?

— Если ты прямо сейчас наденешь фрак и вызовешь такси, — не поворачиваясь, ответила Ангелина.

— Хорошо, я так и сделаю, — покорно сказал Кузнецов.

— И ради бога, не заляпай рубашку кровью. Лучше сперва возьми пластырь.

— Ладно.

Сдерживая раздражение, Кузнецов заказал такси и

отправился в ванную, где висела аптечка. Открыв шкафчик, среди лекарств и мазей он увидел несколько упаковок с тестами на беременность и овуляцию. В свете текущих взаимоотношений с супругой он серьезно призадумался о своем желании иметь детей. Если уже сейчас он не видит чуткости с ее стороны, внимания, заботы, то что же будет, когда появятся дети. Он превратится в призрак, который будет бесплотно шататься по дому, всех раздражать и пугать своими выходками. Возможно, он поторопился с выводами о своем будущем. Может быть, и с выбором супруги тоже.

— Андрей! — услышал он голос жены из гостиной. — Такси!

— Бегу, — крикнул в ответ Кузнецов и быстро обработал раны.

Пластырь он клеить не стал, всего лишь промыв руки перекисью водорода. Если ее это так раздражает, то пусть выплеснет до конца раздражение, а ему будет наглядный пример ее обычного поведения. В голове у себя Кузнецов уже начал проигрывать ситуации, в которых он гипотетически остался холостым. Не такая уж плохая жизнь, надо сказать. Развлечения, отдых, спокойствие. Никаких театров после трудового дня, никаких сложных разговором. Быть может, к сорока-сорока пяти годам ему снова захочется семьи, и уж он тогда постарается сделать выбор не в пользу красоты и темперамента, а в пользу покладистости и чуткости.

— Андрей!

— Уже спускаюсь, милая.

Кузнецов даже улыбнулся такой приятной перспективе. Пусть рычит и ругается, пусть обижается на него, пусть не видит и не слышит — так даже лучше. Чем хуже будет, тем быстрее закончится.

Он спустился в гостиную, надел фрак и вышел в прихожую, где его ждала Ангелина.

На секунду Кузнецов остолбенел. Какой же прекрасной она предстала ему, какой величественно красивой, чувственной, волшебной. Он вдруг вспомнил все те дни, когда они бывали вместе, все те ночи и вечера. Их совместные походы делали это чувство острее, ярче. Так зачем же он так сопротивляется?

Он уже и не знал.

— Тебе очень идет этот костюм, — сказала Ангелина, беря мужа под руку. — Ты становишься похож на спецагента.

— С лицензией на убийство, — подхватил шутку Кузнецов.

— И опасными связями, — улыбнулась Ангелина.

Из дома они вышли как примерная, безмерно любящая друг друга пара.

9

Выйдя из дома, Кузнецов снова ощутил легкое головокружение — остаточное явление после приступа паники в беспилотнике. Но подъехавшее такси мало напоминало автомобиль, в котором он приехал домой. Это был Lincoln MKZ черного цвета.

— Уже собрались?

Вездесущий сосед снова оказался тут как тут.

— Здравствуй, Петр, — не глядя на него, сказала Ангелина.

— Виделись же, — удивился сосед.

— Да? — Кузнецов с интересом посмотрел на супругу.

— Наверное, — пожала она плечами.

— Потрясающе выглядишь, — похвалил Петр наряд Ангелины, не видя, что между мужем и женой разыгрывается безмолвная сцена.

— В театр идем, — сухо сказала она и подошла вплотную к машине, показывая, что разговаривать больше не намерена.

— Дело хорошее, — не отставал Петр. — Я вот уже сто лет в театре не был.

— Может, вместо меня пойдешь? — предложил Кузнецов, стараясь не выдавать раздражение.

— Да как? А, — усмехнулся сосед, — шутишь. Оклемался после сегодняшнего? Эти новые беспилотники никуда не годятся. Вечно какие-то сбои и неполадки.

— Андрей, — чуть повысив голос, позвала Ангелина. — Мы опаздываем.

— Ой, я вас задерживаю, — спохватился Петр. — Ну не буду. Вечно забываю, что у остальных свои дела есть. Хорошо вам отдохнуть.

Петр развернулся и пошел в сторону своего дома. А Кузнецов с женой сели на заднее сиденье автомобиля.

Водитель — брюнет безобразной внешности — завел мотор и выжал педаль газа. Линкольн, тихо шурша по асфальту резиной, выехал на дорогу.

— Значит, вы уже сегодня виделись? — спросил Кузнецов.

— Что? — Ангелина словно не сразу расслышала вопрос.

— Я говорю, что вы сегодня уже с Петром виделись.

— Да, наверно, — пожала плечами супруга. — Он все время на улице, наверное, здоровались, когда я выходила.

— А куда ты выходила?

— Что за допрос? — Ангелина сделала вид, что сердится.

— И все же.

— Ну, заказ забирала. Или отправляла, уже не помню.

— Удобно, — тихо проговорил Кузнецов.

— Ты хочешь окончательно испортить этот вечер, — вдруг вспыхнула Ангелина. — Что за дурацкая сцена ревности? И к кому?

— А то есть, к кому-то другому стоит?

— Если ты сейчас же не замолчишь, мы никуда не поедем.

Кузнецов чуть не выпалил: «Ну и прекрасно, я никуда и не хотел ехать». Но вовремя сдержался. В конце концов, его подозрения — это его личное дело. Их обоснованность он может обдумать и позже. А вот незаслуженно обидеть жену и действительно испортить такой важный для нее вечер он может уже сейчас.

— Просто ты такая красивая в этом платье, — решил пойти на мировую Кузнецов. — Хочешь — не хочешь, заревнуешь.

— А ты почаще меня в свет выводи, — принимая его попытку сгладить углы, ответили Ангелина.

— Я постараюсь, — заверил супруг.

И тут же как по команде в автомобиле еле слышно заиграла легкая музыка. Кузнецов взял кисть жены в свою руку и подумал, что, наверное, все эти катаклизмы, ругань, ревность, тревога исключительно из-за стрессов на работе. Завтра же он пойдет к шефу и обсудит возможность отпуска. У него хорошая жизнь, просто надо в нее добавить немного легкости.

10

Здание театра выглядело раздражающе помпезно, как внутри, так и снаружи. Словно кто-то выдернул его из позапрошлого столетия и поместил в мир хай-тека. В вестибюле предлагали старомодные бинокли, в которые невозможно было что-то увидеть. Гардеробщицу, правда, сменили на робота, который смотрелся среди вешалок словно реквизит из фильма про машину-убийцу, прилетевшую из будущего, чтобы убить нерожденного повстанца.

Места были заказаны дорогие — в отдельную ложу, которая находилась чуть ли не в самом центре.

— Билеты стоили, наверное, целое состояние, — прокомментировал Кузнецов их места.

— Ты хорошо зарабатываешь, мы редко ходим в театр, я откладывала деньги, да еще и сэкономила на ранней брони, — отчеканила Ангелина. — Перестань мелочиться. Просто представь, что мы завсегдатаи театра и пришли наслаждаться прекрасной постановкой.

— А ты представь, каково жить на улице. Без сбережений и удобств, — проворчал Кузнецов. — Что хоть за постановка нас ждет?

— Вот программка, — сквозь зубы ответила супруга и сунула мужу листок с примерным описанием сюжета.

— Что за бред? — изучив программку, сказал Кузнецов. — Я думал, будет что-то классическое, Чехов или Сервантес.

— Слушай, давай договоримся, — зло сказала Ангелина, — на время спектакля молчать. Иначе я окончательно рассвирепею, и мы отсюда уйдем.

— Хорошо, — согласился Кузнецов. — Но в следующий раз постановку буду выбирать я.

— Ну, судя по частоте наших походов в театр, на следующую постановку нас привезут в стариковских каталках.

— Начинаем молчать?

Ангелина сделала знак рукой, словно закрыла рот на замок, а ключик выкинула.

Оба уставились на пустую сцену.

Посетители театра рассаживались по своим местам тихо, без гомона. Осветители настраивали свет, рабочие сцены поправляли занавес. Наконец прозвучал третий звонок — оповещающий о начале спектакля.

На открывшейся сцене стоял молодой актер, делающий вид, словно печатает что-то на невидимой клавиатуре.

«Арт-хаус», — пронеслось в голове Кузнецова.

Чего он терпеть не мог больше всего, так это нарочитого умствования. Кому нужен этот символизм, если идею можно раскрыть буквально. Никто уже не пользуется примитивными клавиатурами, так что вручить мужику реальный девайс было бы большим сюрреализмом. Но что он понимает в искусстве?

Тем временем действие пьесы стало стремительно разворачиваться: на сцене показался белый кролик, который увел мужчину за собой. Быстрая смена проекционных декораций — и вот уже герой сидит в кресле, а мрачный великан предлагает ему узнать правду.

Кузнецову так надоел этот фарс, что он уже всерьез надумал поспать и даже прикрыл глаза, благо, Ангелина на него совсем не смотрела, то ли увлекшись сюжетом, то ли от обиды. Но тут голос великана громом прокатился по залу — видимо, какой-то новый трюк со звуком: «Иди за мной… Пора освободить твой разум. Но я могу лишь указать дверь — ты сам должен выйти на волю».

От неожиданности Кузнецов начал внимательно вслушиваться в диалог, и, чем больше он это делал, тем интереснее ему становилось. Почему-то он никогда не думал о концепции, что целый мир может быть ширмой для чего скрытого и опасного. Он попробовал примерить эту теорию на себя и неожиданно понял, что легко может представить подобное. Что он знает о своей жизни? Жена, дом, соседи — одна часть. Работа, изделия, коллеги — вторая часть. С остальным миром он сталкивается исключительно через экраны различных устройств, то есть вполне могут быть срежиссированы. Но зачем? Кто бы стал так расходовать ресурсы ради обычного, ничем не примечательного Кузнецова? Был бы он гением или избранным, как Нео в пьесе. Но так ведь нет. Он простой рабочий на фабрике, звезд с неба не хватает.

А все-таки было бы интересно оказаться на месте главного героя. Кузнецов с удовольствием продолжил смотреть спектакль. Он так увлекся, что даже не заметил, с каким одобрительным пониманием посматривает на него супруга. Возможно, она думала, что ее черствый и неромантичный муж наконец почувствовал тягу к искусству. Знала бы она, какие мысли крутятся в его голове, может быть, иначе бы смотрела.

По окончании спектакля артисты вышли в зал на поклон. Кузнецов чуть ли не громче всех в зале аплодировал стоя, а потом долго не хотел уходить, мотивируя это тем, что он не хочет попасть в толпу на выходе. На самом деле, ему нужно было переварить ощущения, наплыв которых он ощутил.

— Понравилось? — лукаво спросила супруга, видя, что ответ

будет положительным.

— Не то слово, — ответил Кузнецов. — Знаешь, мы с тобой вернемся сюда раньше, чем на каталках.

— О, мой муж собирается стать театралом?

— Если все спектакли будут такими же, то у меня просто не будет выбора. Это же вынос башки. Подумать только — мир, скрывающий другой мир.

— Ну, это довольно старая метафора, известная еще со времен Платона. Но она, мне кажется, больше говорит не о мирах, а о возможности человека. То есть, миров-то может быть сколько угодно, но человек способен увидеть только один.

— А может, как раз потому миров много, и для каждого человека он свой.

— Как это? — не поняла Ангелина.

— Вот этот театр. Сидело много народу, аплодировали, играли актеры. Но ведь если бы я всего этого не видел и не слышал, то и не знал бы о них. Как в той же постановке: нарисовали фон, декорации, рассказали, что есть какой-то другой мир с другими людьми, а на самом деле — это все проекция моего сознания. Даже то, что я чувствую, может быть просто внушено. И получается, что единственный по-настоящему живой участник всего этого — я сам. То есть, я есть, потому что вижу, слышу, чувствую. Я приемник информации и ее интерпретатор. Откуда мне знать, что на самом деле существуют другие люди? Может быть, они плод моего воображения.

— Хм, — задумался Кузнецов. — Я бы хотел подробнее изучить эту тему.

— Не очень-то увлекайся, — предупредила жена. — Сам знаешь, к чему приводят подобные инсайты, если они падают в нездоровую голову.

— Знаю, — ответил Кузнецов.

Но он уже не мог не думать об этом.

11

Ах, как это заманчиво — узнать что-то о мире такое, что может перевернуть все представление о действительности. Но Ангелина права — есть что-то страшное в таком взгляде на реальность. И одну из таких опасностей в тот же вечер озвучила супруга, когда они вышли из театра и ждали такси.

— Сегодня по новостям передали об очередной волне пандемии, — сказала она.

— Опять? — удивился Кузнецов.

Пандемия, о которой говорила супруга, была названа чумой двадцать первого века, она, как ни странно, не носила вирусную или бактериальную природу. Вроде как началась она в середине тридцатых, но, по мнениям экспертных медиа, брала свое начало чуть ли не с момента появления хомо сапиенс. Называли ее по-разному, применяя аббревиатуры и специальные термины, но, так как она вытеснила другие болезни, став основной причиной смерти, ее просто называли пандемией.

Основным симптомом болезни стала острая тяга заболевшего завершить свой жизненный путь вне срока. Хотя сроки у жизни благодаря современной науке стали безгранично долгими. Кто-то считал, что дело именно в этом — люди просто не хотели жить столько, другие винили бесконтрольное цифровое потребление, но все сходились в том, что главным разносчиком болезни стали медиа. Подобно тому, как массовые заражения бешенством предотвращают путем контроля численности переносчиков, государства стали спасать людей ограничением информации о насильственных смертях в СМИ и других информационных порталах.

Наиболее яркие случаи даже после запрета на публикации все равно становились достоянием общественности. Так, например, один профессор во время лекции по химии неожиданно выпил концентрат серной кислоты прямо на глазах у аудитории. Другой случай произошел и вовсе с уборщиком, который решил после смены залезть в мусоросжигатель.

Однако самый неожиданный и обсуждаемый инцидент произошел с местным судьей, который очень любил жизнь, постоянно был занят на общественной работе, имел большую семью, двух собак и, как потом выяснилось, любовницу. Заподозрить этого добродушного старика в желании покончить с собой не мог даже самый отчаянный фантазер. Если уж судье и пророчили скорую смерть, то исходя из комплекции, от атеросклероза сосудов или ишемической болезни сердца. Но

судья всех удивил: попросив на одном из слушаний ознакомиться с уликами, он взял пистолет предполагаемого преступника, убедился, что тот заряжен и молча пустил себе пулю в рот.

Пандемия самоубийств являлась самым страшным явлением из всех известных именно потому, что была необъяснима и пугающе летальна.

— Теперь на работу будешь ходить в перчатках и в маске, — безапелляционно заявила Ангелина.

— Как они надоели, эти маски.

— Это надо, ты же знаешь. Не стоит шутить со смертельными болезнями.

— Но это не грипп или ОРВИ, это не передается воздушно-капельным путем.

— Мы не знаем, как это передается, — твердо сказала супруга и сделала шаг к дороге, куда подъехало такси.

На этот раз это был серебристый Hyundai Sonata. Водитель, правда, — тоже какой-то оборванец. Кузнецов хотел было даже акцентировать на этом внимание, но потом подумал, что это будет выглядеть слишком высокомерно, и самоцензурировал недоумение следующим образом:

— Кажется, штат водителей не отличается разнообразием.

— Это хотя бы человек, — заметила Ангелина, имея в виду, что мог приехать и автопилот.

Что хорошего в том, что это человек, Кузнецов не стал спрашивать. Во-первых, он и сам не горел желанием ехать с Искином после того, что он испытал, возвращаясь с работы. А во-вторых, ему стало стыдно за жену, которая использовала такое дискриминационное по отношению к разумной технике выражение, причем, похоже, даже не заметив этого.

Супруги сели в такси и отправились домой.

Ангелина достала планшет, на котором быстро нашла каталог с недорогими перчатками, и показали их мужу.

— Может быть, дома обсудим? — сказал Кузнецов, которому совсем не хотелось выставлять паранойю жены на суд неизвестного водителя.

Но она и сама справилась.

— В новостях передавали, что меры надо принимать незамедлительно. Их доставят, не успеем мы приехать.

Водитель закономерно хмыкнул.

— И, наверное, придется отказаться от услуг не оборудованных беспилотником машин, — в ответ на этот хмык ответила Ангелина.

Водитель сдержанно промолчал, а сгорающий от стыда Кузнецов, который не любил себя чувствовать на людях слюнтяем

и подкаблучником, решил вступить в неравную схватку.

— Послушай, но вряд ли я захочу наложить на себя руки, если дотронусь до чего-то грязного. Я не настолько чистюля.

— Шути-шути, — ответила недовольно супруга, — сто восемнадцать тысяч человек, умерших в прошлую волну, вполне поддержат твой юмор.

— Это психология, — не сдавался Кузнецов, — при чем тут перчатки и маски. Может, у тех погибших как раз депрессия и развилась на почве всех этих ограничений?

— В том-то и дело, — не согласилась супруга, — что никакой депрессии у людей не возникает. Внешне нормальные люди, как мы с тобой, ни с того ни с сего кончают жизнь самоубийством. Я читала много материала на этот счет, и ученые все больше склоняются к вирусному варианту. Есть куча инфекционных болезней, при которых повреждается мозг.

— Ну не знаю, — буркнул Кузнецов. — По-моему, это все какой-то бред.

Жена больше спорить не стала, молча заказала маски и отвернулась к окну.

Кузнецов хотел еще что-то сказать, продолжая тему, но передумал. Он знал, что с супругой спорить бесполезно.

Откинувшись на теплую тканевую спинку сиденья, Кузнецов прикрыл глаза и попробовал расслабиться. Ему было о чем подумать без этих глупостей. Он снова погрузился в размышления о виртуальности собственного мира, и, чем больше он думал об этом, тем больше находил подтверждений этой гипотезы. Например, за всю его жизнь он ни разу не дрался. В тех фильмах и сериалах, которые он смотрел, конфликты, особенно между мужчинами, происходили с поражающей регулярностью. При этом сам Кузнецов не был даже уверен, что сможет кого-то ударить. Нет, конечно, случались моменты, где он повышал голос, но сама мысль причинить насилие у него не возникала. Более того, он никогда не видел, чтобы другие люди дрались. Да что дрались, хотя бы яростно ссорились. Разве может быть такое в нормальном мире?

«Может», — ответил себе Кузнецов и улыбнулся этой мысли. Только в нормальном мире и может. Когда агрессия становится ненужной, она отмирает со временем, как рудимент, который не используется.

Эта позитивная мысль появилась в голове Кузнецова, как раз когда автомобиль подкатывал к лужайке возле их родного дома. Прекрасная жизнь, спокойное существование, счастье, уверенность в завтрашнем дне не предполагают агрессии.

Он помог жене выйти из машины, галантно открыв дверь, и,

когда такси уехало, прижал ее к себе, обняв за тонкую талию, и поцеловал. Длинный и трудный день заканчивался хорошо.

12

Конец вечера — душ и ожидание удовольствия. Законный брак имеет свои плюсы, к тому же Ангелина своим поведением и взглядами дала понять, что Кузнецова сегодня ждет постель не только для сна.

И действительно, ложась в постель, он увидел, что жена его ждет. Потрясающе красивая, Ангелина потянулась к нему и жарко поцеловала в губы. Кузнецов автоматически, не глядя, нащупал презервативы, которые хранил в своей прикроватной тумбочке и, не отрываясь от ее губ, начала разрывать упаковку. Но Ангелина внезапно его остановила.

— Он нам не нужен, — сказала она.

— Ты опять? — Кузнецов отстранился. — Мы же договорились это обсудить.

— А что тут обсуждать? Ты меня любишь, я тебя — тоже. У нас чудесный дом, у тебя хорошая работа. Нам уже давно пора завести ребенка.

— И, видимо, сегодня последний день, когда это можно сделать, — недовольно пробурчал супруг.

— Нет, — мягко ответила Ангелина, поглаживая его спину, — но сегодня хороший день для этого. Ты понимаешь, о чем я?

— А нельзя подождать следующего месяца? Я ведь не против. Просто это важное решение. Его действительно стоит обдумать, обсудить. У меня, знаешь, на работе не все так гладко.

Ему так хотелось забыть о своей осторожности, плюнуть на условности и отдастся этим приятным ласкам жены. Но день был очень насыщенным, слишком много всего произошло.

— Решай сам, — сказала Ангелина и, отвернувшись от него, положила голову на подушку, приготовившись спать.

Кузнецов посмотрел на ее спину, на очень соблазнительную шею, хрупкие плечи… В конце концов, ребенок может и не получиться с первого раза.

Забыв о своих переживаниях, он прильнул к жене, и она встретила его лаской.

13

Такое понятие, как день сурка, Кузнецов не знал, но если бы знал, то обязательно употреблял бы в контексте своей жизни, особенно по утрам. Единственное, что в последнее время менялось, так это завтрак — супруга снова стояла у плиты, на этот раз готовя ему кашу.

— Что-то новенькое, — приобняв Ангелину, сказал Кузнецов.

— Нашла рецепт полезной каши, — ответила жена. — Тебе нужны силы и бодрость. Ведь скоро они нам пригодятся.

— Думаешь, что прям с одного раза все получилось? — спросил он, имея в виду зачатие.

— А вдруг, — улыбнулась Ангелина. — Но главное, что рано или поздно это все равно случится, тут главное, что мы решение приняли. Так что будем готовиться авансом.

Кузнецов хотел возразить, что вполне готов и без подготовки прыгнуть в эту воду, еще не хватало нагрузить свою жизнь переживаниями о зачатии, но, видя сияющее от решимости лицо супруги, решил воздержаться.

Позавтракав и собравшись, он отправился на работу, провожаемый нежным поцелуем супруги.

— Надеюсь, что в этот раз не встречу нашего соседа с утра пораньше, — сказал он, открывая дверь.

— Чем тебе так не угодил Петр? — спросила жена.

— Да он как черная кошка, которая перебегает дорогу. Стоит только его увидеть, и все сразу катится в ад.

— С чего вдруг ты стал таким суеверным?

— Станешь тут, — неопределенно сказал Кузнецов и покинул дом.

К его удовольствию, соседа на улице не оказалось, зато стоял автомобиль, заказанный фирмой. На этот раз это была Тойота Сиена красного цвета, а вот водитель как будто тот же, что и вчера.

«Возможно, это действительно один водитель на разных машинах», — подумал Кузнецов, устраиваясь в автомобиле. Он с легкостью предположил, что за ним просто закреплен человек, который его возит. А машины тот берет из общего парка. Это могло иметь смысл, ведь везти человека по одному и тому же маршруту проще и быстрее.

14

Его пропуск работает, никто не останавливает и не отвлекает, на рабочем месте порядок и чистота. Как мало нужно человеку для поддержания хорошего настроения! Разве что поделиться им с приятелем. Кузнецов прошелся по рабочему залу прямо к перегородкам, где обычно сидел Игорь. Но приятеля там не оказалось.

— А где Сорокин? — спросил он женщину за соседним столом.

— Он вроде в лабораторию пошел, — пожала плечами та.

Тут бы Кузнецову и вернуться на свое рабочее место, тем более что деньги платят не за прогулки по фабрике, но ему вдруг очень захотелось пообщаться с приятелем, и он отравился за ним.

Лаборатория являлась важной составляющей производственного процесса фабрики, поэтому занимала целый этаж под крышей и была оборудована по последнему слову техники, включая всевозможные защиты от шумов, пожаров, мелких осколков и прочих побочных опасностей, возникающих при испытаниях опытных образцов. Кузнецов не сразу нашел Игоря, пройдя почти по всему коридору корпуса, по пути заглядывая в отдельные секции. Сорокин занял одну из последних комнат, оборудованную шумоизоляцией. Он сидел на узком раскладном кресле и смотрел в одну точку.

— Игорь? — окликнул его Кузнецов.

Сорокин не сразу отреагировал на звук. Он медленно перевел взгляд на приятеля, и как будто даже не сразу узнал.

— Игорь, очнись, — все еще улыбаясь, сказал Кузнецов, — это я. Что ты тут делаешь?

— Андрей?

Сорокин наконец сфокусировался на друге.

— Андрей! — вдруг обрадованно сказал он и резко встал со стула. — Вот ты-то мне и нужен. Я все никак в голову не возьму, как мне решить эту задачку. А тут ты. Такая удача.

— О чем ты? — недоуменно спросил Кузнецов, видя, что Сорокин находится в странно-возбужденном состоянии.

— Сейчас объясню.

Сорокин стал метаться вокруг стула, разглядывая его со всех сторон, поочередно то сводя руки вместе, то размахивая ими как крыльями.

— Вот, что это? — спросил он.

— Стул, наверное. Или кресло, — ответил Кузнецов.

— Ничего не напоминает?

Сорокин заговорщицки посмотрел на приятеля.

— Стул напоминает стул, — начиная злиться, сказал Кузнецов.

— Да ясно, что он напоминает стул. Какой стул он напоминает?

— Раскладной, — первое, что пришло в голову, ответил Кузнецов.

— Не то, — Сорокин снова стал нервно расхаживать кругами.

— С тобой все в порядке? — спросил Кузнецов.

— Нормально все. Видишь ли, этот стул, он…

— Ты сбежал из реабилитации?

— С чего ты взял? — вдруг напрягся Сорокин. — Ты с кем-то говорил? Про меня спрашивали?

— Успокойся. Просто ты выглядишь так, словно тебе по мозгам проехались.

Сорокин вдруг сник и плюхнулся на злосчастный стул.

— Они меня там только мучают. Сами же дают дурацкие задания, а потом удивляются. Мне психолог говорит — навязчивые идеи. Пандемия еще эта некстати. А какие идеи, если все действительно так и есть.

— Да боже мой, о чем ты говоришь?

— Я говорю, что у меня нет никаких навязчивых идей. А эти чертовы работодатели просто хотят свести меня с ума. Знают, что сам я не уйду с работы, а уволить по закону меня нельзя. Вот и подсовывают всякое. Не веришь? Я вижу, что не веришь. Но смотри.

Сорокин схватился за ручку кресла.

— Я эту штуку не просил. Не я его разрабатывал. Мне его дали на доработку после гильотины. Гильотина, понимаешь, — тоже такой себе символ.

Игорь нажал какую-то кнопку, и кресло завибрировало.

— Массажное кресло, — дрожащим от вибраций голосом проговорил Игорь. — Ничего не напоминает?

Кузнецов пожал плечами.

— А так?

Сорокин нажал еще какую-то кнопку на ручке кресла, и оно начало неистово трястись, заставляя тело сидящего в нем колыхаться, словно под электрическим током.

— Я понял, — ухмыльнулся Кузнецов.

Но Сорокин не улыбался. Он выключил вибрацию и встал с кресла.

— Мне его предложили довести до ума. Каково? Мне. Я никогда с вибромоторами дел-то не имел. А когда в первый раз запустил, то понял. Они меня с ума свести хотят. Как раз под

очередную волну пандемии подгадали. Мол, все признаки на лицо. А я не сумасшедший и совсем не собираюсь на тот свет.

— Может быть, совпадение? — предположил Кузнецов.

— Ты веришь в такие совпадения?

— Сам посуди. Только гильотинка для сигар и массажное кресло. Запросто может быть совпадением. Да и с чего ты взял, что тебя собираются уволить?

— Мне шеф наш сказал… Тьфу, черт. Легок на помине.

Кузнецов обернулся и увидел, как в их сторону шагает Александр.

— Я тебе ничего не говорил, — попросил Сорокин шепотом.

Кузнецов согласно кивнул.

Тем временем директор неспешно подошел и вопросительно уставился на Кузнецова.

— Здравствуйте, — поздоровался тот. — Пришел поинтересоваться, чем занимается коллега.

— У вас своих дел, что ли, нет? — неприязненно спросил Александр. — Вместо того чтобы прохлаждаться, лучше бы занялись своим устройством, о котором уже спрашивают инвесторы.

— Извините, — сказал Кузнецов и сделал движение, чтобы уйти.

— Подождите, — остановил его Александр. — Сейчас вместе пойдем. Я все равно хотел с вами поговорить. А вы, — обратился он к Сорокину, — уже должны быть в медцентре. Нехорошо задерживать людей, которые вам помогают.

— Мне становится только хуже от этих инъекций, — чуть не плача сказал Сорокин.

— Это потому, что вы несерьезно относитесь к ним. Не стоит бегать от врачей, они же не просто так здесь работают. И еще. Я не хотел этого говорить, тем более при посторонних, но вы должны помнить, что отказ от надлежащих в вашем случае процедур может повлечь применение серьезных репрессивных мер со стороны администрации. Вплоть до увольнения.

Сорокин многозначительно посмотрел на Кузнецова.

— Кроме того, — продолжил директор, — в случае если выше состояние окажется передаваемым, вы можете подвергнуть опасности ваших коллег, что совсем недопустимо. Вы меня поняли?

Игорь кивнул.

— Хорошо, — сказал директор. — А теперь марш в медцентр немедленно. А с вами, — обратился он к Кузнецову уже более спокойным тоном, — давайте пройдем ко мне в кабинет.

15

Казалось, что после сцены, которую наблюдал Кузнецов в лаборатории, от разговора с директором ничего хорошего ждать не стоит. Но он ошибался. Как только они оказались в кабинете, Александр тут же перешел на дружелюбный тон.

— Как я могу судить из промежуточных результатов, вы двигаетесь в правильном направлении, — сказал он. — Ваше устройство приобретает черты будущего бестселлера. Мне нравится, что вы пошли по пути цифровой модернизации. Именно этого и не хватает многим нашим изобретателям — смелости в решениях.

— Благодарю, — удивленно сказал Кузнецов, ошарашенный такой переменной шефа.

— Однако, — продолжил Александр, — мне кажется, вы недостаточно смелы в том, что касается наших ресурсов.

— Что вы имеете в виду?

— Я думаю, вам надо задействовать исследования наших физических лабораторий. Вы же, по сути, делаете устройство для очистки помещений. И вы верно заметили, что оно должно быть приятно в использовании. Тактильно-дружелюбные материалы, электронная начинка — это все верный путь. Но разве стоит останавливаться? Зачем делать сложное устройство, которым, в конечном счете, все равно придется размахивать как веником. Попробуйте обратить внимание на исследования ультразвуковых очистителей или даже импульсных электромагнитных резонаторов.

— Но это же просто щетка?

— И что? Вы не понимаете главного. Мы продаем людям возможности. И чем больше мы их даем, тем счастливей покупатель и, конечно, тем больше прибыли мы получим. Неважно, через какое устройство мы приходим с этими технологиями в каждый дом. Важно, чтобы люди начали ими пользоваться, а, начав, хотели бы еще. Неужели вам самому не интересно заняться чем-то настолько сложным и прибыльным?

— Интересно.

— Вот и отлично. Сразу после нашего разговора зайдите к физикам, они вам передадут новые разработки. Я с ними уже успел пообщаться на этот счет. И чтобы вас совсем уж замотивировать, я предлагаю вам новые условия контракта.

А вот это было неожиданно, Кузнецов знал, как редко администрация идет на подобные изменения. Значит, разработка имела действительно большое значение для руководства.

Подумать только — простая щетка для уборки, а сколько шума. Но, видимо, когда речь заходит о деньгах, совершенно неважно, как называется продукт, который идет в авангарде продаж.

— Вы слушаете? — спросил Александр.

— Очень внимательно, — заверил Кузнецов.

— Итак, первое, вы получаете неограниченный ресурс для создания прототипа. Можете больше не оглядываться на бухгалтерию, когда начнете экспериментировать с устройством. Второе, вам лично, предлагаются следующие условия. Так как в течение долгого времени вы ничем больше заняты не будете и, значит, премиальные отчисления от других возможных изобретений вы не сможете получать, вам назначается ежемесячная премия в размере пятидесяти процентов от зарплаты.

Директор выжидательно посмотрел на Кузнецова, который, естественно, был потрясен таким напором. Подумать только — обычная щетка, а такие перспективы.

— Если у вас возникнут какие-нибудь другие потребности, связанные с проектом, или иные пожелания…

— Вы знаете, — вдруг решился Кузнецов. — Я давно не был в отпуске.

— Что?

— Я понимаю, что с моей стороны это большая наглость. Такой проект, возможности. А я об отдыхе. Но у меня в семье назревают перемены, и, я думаю, сейчас самое время взять паузу в работе. Перевести дух, так сказать. А то буду… как другие работники, которые уже перестают понимать реальность. Ну, вы понимаете. Нервы же беречь надо. Как без отпуска работать?

— Да уж, — возмущенно выдохнул Александр и презрительно посмотрел на подчиненного.

Кузнецов весь вжался в стул, понимая, как слабо выглядит его позиция. Ему предложили большой проект, а он, неженка такая, расплакался, что перерабатывает.

— А что там у вас в семье? — спросил директор.

— Возможно, у нас скоро будут дети, — надеясь, что это прозвучит как убедительное оправдание его просьбы об отпуске, выпалил Кузнецов.

— Дети, — задумчиво произнес Александр. — Дети — это хорошо. А вы знаете, сколько средств требуют дети? Это же бесконечные пеленки, распашонки, подгузники и каши. Я уж не говорю про одежду, игрушки, коляски. И они постоянно растут, требуя все новых вещей. Да я уже вам говорил про это. Вам сейчас как никогда кстати новые возможности заработка.

— Я понимаю, — повесив голову, ответил Кузнецов. —

Наверное, вы правы.

— Черт возьми! Конечно же, я прав. Значит, так. Вот мое последнее предложение: вы немедленно приступите к разработке. Сколько вам понадобится, месяца три-четыре? Хотите быстрее — работайте сверхурочно, ваша надбавка позволяет, так что трудовой комитет не подкопается. По окончании работы вы представите работающий прототип. И все, можете отправляться в ваш отпуск, все равно нам нужен будет месяц-другой, чтобы наладить массовое производство. Годится вам такой расклад?

— Да, — только и ответил Кузнецов, но потом добавил, — спасибо.

— Все, тогда я готовлю приказ о вашем новом статусе, а вы сразу от меня отправляйтесь в физическую лабораторию. И смотрите, это ваш реальный шанс сделать все правильно. Не подведите. Быть мужчиной — это не просто штаны носить, это ответственность. Нам иногда приходится жертвовать своими желаниями ради чего-то большего.

Кузнецов поднялся с места и собрался уходить.

— И еще, — вдруг остановил его Александр. — Со всеми этими нововведениями мне кажется нелепым все еще называть ваше устройство просто щеткой. Давайте сделаем ребрендинг. Пусть это будет — ручной импульсный истребитель пыли. А, каково? Это наш креативный отдел отжигает.

— Тогда, может, просто — РИИП? — предложил Кузнецов.

— РИИП? — задумался директор. — Это выходит, как сокращение. А что, мне нравится. Отличная идея! Вот таким вы мне больше нравитесь. С места в карьер. Голова изобретателя всегда в работе. Ну, что ж, ступайте. Я распоряжусь, чтобы в бумагах поставили новое название.

16

Дом там, где запах уюта. Кузнецов и не думал, что так любит свою крепость. Но сегодня то ли из-за настроения, то ли в силу каких-то ассоциативных эмоций он чувствовал себя счастливым, вернувшись домой. Ангелина встретила его приветливо, приготовила к приходу мужа каких-то пряников. И Кузнецову было совсем неважно — испекла она их сама или просто распечатала. Просто стало как-то сразу на душе тепло и радостно.

— Сходим в кино? — предложила Ангелина. — Если ты, конечно, не очень устал.

— Давай, — согласился Кузнецов.

Кино он любил.

— Обойдемся без нарядов, — сказала жена. — Выгуляем в кои-то веки джинсы и кофты.

— Ура, — поддержал Кузнецов, который принял с радостью новость, что ему не надо будет снова влезать в опостылевший рабочий костюм.

— Ты сегодня в хорошем настроении, — заметила Ангелина.

— Есть от чего, — пережевывая пряник, ответил супруг. — Мне обещали повышение зарплаты.

— О, это очень кстати. Я сегодня консультировалась с доктором. Нам надо будет сдать анализы, и, если все будет хорошо, а я уверена, что все так и будет, начнем в полный рост заниматься продолжением рода.

— А я думал мы уже?

— Глупый, — улыбнулась Ангелина, — для этого нужно соблюсти определенные сроки. Но в тот раз мне было просто необходимо, чтобы ты смог преодолеть этот психологический барьер. Мужчины так боятся детей.

— Ничего я не боюсь, — не согласился Кузнецов. — Просто не люблю поспешных действий. А тут серьезный шаг, который предполагает серьезную ответственность. А что мы знаем о себе как о родителях. Мы даже хомячка не завели, не говоря уж о кошке или собаке.

— И правильно сделали, — фыркнула Ангелина. — Сплошная антисанитария — эти животные. Вообще не понимаю, что люди в них находят. По уровню интеллекта, даже если собрать всех домашних животных вместе, они никогда не догонят человека.

— Но они такие милые.

— В чем? В том, что гадят везде, ломают вещи, создают опасные ситуации на ровном месте.

— Так можно сказать и про людей.

— Так и есть, — сказала Ангелина и о чем-то сильно задумалась.

— Лин?

— Глупости, — опомнилась она. — В конце концов, домашние животные служили лучшим источником знаний о происхождении человека. Повадки, инстинкты, рефлексы.

— Да с чего вдруг ты про рефлексы заговорила. Снова смотрела какие-то научные видео.

— Да, — усмехнулась Ангелина, — что-то понесло меня. Ладно, будем собираться?

— Сейчас чай допью.

— Допивай. А я пока приготовлю вещи.

Кинотеатр не прикидывался стариной, а имел все атрибуты современного способа просмотра фильмов. Тут были и подключаемые чипы, которые создавали ощущение реального нахождения в художественной картине, задействуя все двенадцать чувств киномана, и сверхудобные кресла, препятствующие пролежням, и безграничный стереоскопический экран.

Фильм, кстати, был неплох. Конечно, постоянно теряющийся сюжет, климатические эффекты и герои, меняющие цвет кожи строго по расписанию, немного раздражали, но все уже привыкли так смотреть. Тем более что любовные пятиугольники, возникающие по ходу действия каждые двадцать минут, очень приятно задействовали посетителей в своих сценах. Говорят, что раньше «эффект присутствия» был осуждаем обществом, и поэтому даже вводились ограничения для лиц моложе восемнадцати лет, но, к счастью, это ханжество легко сдалось под неудержимым натиском интереса у молодежи.

Несмотря на богатство эффектов, фильм все же сумел удивить неожиданной развязкой. Оказалось, что в любовном пятиугольнике один участник оказался киборгом, причем человеческим у него оказалось именно тело, в то время как сознание — плод труда программистов-гаражников, желающих захватить мир с помощью новой религии. На базе этой новости сценаристы развернули нешуточную полемику устами героев на тему межвидовой любви человека и машины.

Конфликт был очевиден — человек может полюбить что угодно, наделяя это своими чертами, а вот машине заблуждения не свойственны. Киборг не подвержен эволюционным рефлексиям, не хочет семьи, детей, его вообще мало интересуют культурные и социальные ориентиры, однако же почему-то ему удается полюбить конкретного человека. Как? Почему?

Не верящий в искренность чувств киборга, человек пытается

найти ответ в опасном путешествии в долину Гаражников. Там, пройдя испытания в онлайн-игре «Полигамия монстров», он узнает ответ на свой вопрос. Выясняется, что, создавая всемогущий искусственный интеллект, гаражники допустили ошибку в коде, которая в итоге, после множественного копирования алгоритма, привела к непоправимому искажению восприятия самого Искина. Иными словами, искусственный бог, которого создавали гаражники, сошел с ума и начал действовать не сообразно логической интерпретации фактов, а буквально исходя из случайных вычислений несущественных вещей, как то — плавность линий горизонта на закате или частота звука приливной волны.

Узнав эту тайну, герой возвращается к своей семье и рассказывает обо всем, что узнал. Все восхищаются таким поворотом и радуются, что их пятиугольные отношения становятся еще более уникальными. Однако под самый конец киборг впадает в депрессию, понимая несоответствие полученной информации и его реальных чувств. Да, он может притвориться и жить вместе со всеми, любимый и желанный, но природная честность и принципиальность не дают ему покоя. Однажды киборг прощается со своей семьей и отправляется в долгий путь по закоулкам глубокой сети ради достижения единственной цели — понять себя.

После долгих странствий он находит храм, в котором живет мудрейший учитель, способный ответить на все вопросы киборга. Гуру заставляет киборга медитировать и постигать свое истинное «я», в результате чего тому открывается истина. Людей он действительно может любить, но совсем не так же, как мог бы любить себе подобных. Для такого мощного разума человек так и останется всего лишь животным — высокоразвитым приматом, которого тоже можно любить и за которым хочется ухаживать, заботиться. Но это не любовь одинаковых начал. Чтобы человек мог стать на одну ступень с киборгом, он должен быть сильнее, доказать, что способен превзойти машину хоть в чем-то, возможно, даже убить ее.

Фильм оставил после себя много вопросов, но смотреть его было очень интересно.

Возвращаясь домой хорошо отдохнувшими, Кузнецовы не разговаривали, думая каждый о своем. Но спать легли вместе, держась за руки.

17

Следующие несколько недель были просто сумасшедшими для Кузнецова. Днем и ночью он только и делал, что занимался новым устройством, которое ему поручило разрабатывать руководство. Он отказался от обедов в пользу быстрых перекусов прямо за рабочим столом, он редко спал, много думал, считал, прикидывал. Кузнецов так часто наведывался к физикам и химикам фабрики, что они скоро стали прятаться от него. Пару раз в череде этой сумасшедшей гонки его выдергивала из потока Ангелина, чтобы они совместно могли посетить центр планирования семьи. Кузнецова попросили несколько раз сдать необходимые жидкости, а потом, к его радости, благополучно отпустили на работу.

Три с лишним месяца он не отрывал головы от монитора компьютера. И вот наконец проект был готов, и оставалось только дождаться, когда в фабричной мастерской сделают прототип. Но Кузнецов не мог ждать. Он так болел, так переживал за свое устройство, что как-то утром сам пошел в мастерскую, чтобы посмотреть на сборку своего выстраданного детища.

Пройдя коридорами по производственным помещениям фабрики, Кузнецов вышел в сектор, где создавали прототипы. Он бывал здесь раньше, когда делал свою первую щетку, которая стала впоследствии очень популярной. Тогда сами мастера его пригласили, чтобы уточнить размер рукоятки и предложить материалы щетинок. По воспоминаниям Кузнецова, тот цех произвел на него сильнее впечатление, а работники казались полубогами, которые могут на глаз определять любые размеры. В этот раз он тоже хотел пообщаться с ним, может, что-то подсказать.

Его проект, его РИИП, имел очень футуристичный дизайн. Если с него убрать щетину, то вполне могло показаться, что в руках ты держишь огромный бластер из фантастических фильмов. Такая форма получилась ненамеренно, просто расчеты показали, что именно эта форма обеспечивает надежность фиксации в руке и, соответственно, удобство в использовании. Но главное все же была не форма, а начинка. Новая щетка, точнее РИИП, использовала современнейшие разработки квантовой физики. Где частицы пыли разгонялись до таких скоростей, что просто исчезали бесследно. Никакого мусора, никаких аллергий, действительно революционное устройство.

Кузнецов подошел к дверям цеха и постучал. Но на стук никто не вышел, да и вообще, очень уж тихо здесь было. Обычно

работа цеха сопровождается невероятным шумом станков.

«Может, у них обед?» — предположил Кузнецов, хотя сам понимал, что никакого обеда в такой ранний час быть не может.

Постояв пару минут в нерешительности, он решил сам открыть дверь. В конце концов, рабочие поймут его нетерпение, а даже если и не поймут, то черт с ними. Он решительно вошел и увидел, что цех пуст.

Замерев в оцепенении от увиденного, Кузнецов призывно крикнул, желая увидеть хоть кого-то. Но ему отозвалось только эхо собственного голоса.

Поняв, что никого не дозовется, Кузнецов опрометью кинулся на этаж администрации.

Директор выслушал его спокойно, после чего предложил чая и сказал:

— Вы успокойтесь. Я, естественно, в курсе, что в мастерской никого нет. На время ремонта мы решили перенести все оборудование в другой корпус.

— Не знал, что у фабрики есть другой корпус.

— Вы просто не интересовались, — спокойно ответил Александр. — У нас крупное предприятие, в котором, конечно же, много разных корпусов, разбросанных по всей стране. Я, вообще, не очень понимаю, зачем вы, извините, поперлись туда. Цех — сложное с точки зрения безопасности место, и изобретателям нечего там делать.

— Я просто хотел увидеть, как происходит сборка прототипа.

— Понимаю. Но ваша работа на данном этапе закончена. Теперь вам нужно только подождать, пока устройство будет готово. Я знаю, как усердно вы трудились эти недели, и предлагаю вам в качестве аванса небольшой отпуск. На неделю. Как вам? Проведете время с женой, выспитесь, может, даже куда-нибудь смотаетесь на несколько дней.

Кузнецов задумался, взяв в руки чашку остывшего чая. С одной стороны, все правильно. Он для того и работал, чтобы иметь в итоге возможность отдохнуть. Но как отдыхать, если ты все последнее время и жил только мыслями о проекте, который вот-вот должен был воплотиться в реальное устройство.

— Нет, — тяжело вздохнув, ответил на предложение директора Кузнецов. — Я лучше буду на работе, и если мастерам что-нибудь понадобится для создания прототипа, то смогу помочь.

— Мне не нужно, чтобы вы мешали другим изобретателям, слоняясь по конторе, — недовольно сказал Александр.

— Поручите мне какое-нибудь несложное дело.

— Хм, — задумался директор. — На самом деле есть одно. И,

мне кажется, именно вам стоит его поручить. Вы же с Сорокиным вроде приятельствуете?

— Мы общаемся иногда, в свободное время.

— И замечательно. Вы даже, кажется, уже видели массажное кресло, которое ему поручили доработать?

— Да, что-то такое было, — вспомнил Кузнецов.

— Так как ваш приятель, похоже, не собирается покидать медицинский центр, то его задание можете выполнить вы. Там пустяковое дело, надо просто отрегулировать мощность вибромоторов. Пересчитать и по-новому распределить нагрузку.

— Как? Игорь еще на реабилитации? — вырвалось у Кузнецова.

— Кх-м, — смутился Александр от сленгового названия медцентра, — да. Видите ли, его депрессия оказалась сильнее, чем мы думали, и процедуры пришлось продлить. Но ему как будто становится лучше. День-два, и он снова сможет функционировать. Поэтому если вы не хотите заниматься его работой…

— Я займусь, — заверил Кузнецов.

Может быть, он бы и отказался. Но теперь, зная, как тяжело приходится Сорокину и как плохо его приятель реагировал на это причудливое устройство, Кузнецов решил разобраться с этим примитивным креслом раз и навсегда.

— Рад, что вы беретесь, — сказал Александр. — Я отправлю вам все расчеты и чертежи. Думаю, как раз, когда вы закончите, будет готов прототип.

Кузнецов покинул кабинет директора с двояким ощущением. Было что-то неправильное в том, что РИИП собирают не в родной мастерской, а где-то в другом корпусе фабрики. Но в то же время, он был и успокоен мыслью, что разработка находится под личным контролем руководства. Приятное ощущение, что все-таки он очень нужный человек, который делает важные для такого крупного предприятия вещи, убаюкивала тревогу.

18

Разобраться с массажным креслом Кузнецову не составило труда. Даже удивительно, как легко ему теперь давались простые устройства, после того как он сделал свой импульсный истребитель пыли. И все же он чувствовал легкую неловкость, что занялся работой Сорокина, которую тот наверняка легко сделал бы сам.

Эта неловкость усилилась, когда Кузнецов в обеденный перерыв увидел самого Игоря. Тот сидел за столиком в столовой в совершенном одиночестве, вяло ковыряя вилкой какой-то салатик. Выглядел Сорокин ужасно: на неестественно худом лице образовались глубокие морщины, под глазами появились огромные круги, а, подойдя ближе, Кузнецов увидел еще и толстую отечную полоску на шее — очень показательный след.

— Привет, — поздоровался Кузнецов, подойдя к столику Игоря.

— Привет, — тихо ответил Сорокин, едва удостоив приятеля взглядом.

— Я присяду?

— Давай.

Кузнецов сел напротив Игоря и сделал заказ. На кухне тут же засуетился механический повар.

— Плохо выглядишь, — сказал Кузнецов сочувственно.

— Соответствующе состоянию, — тихо ответил Сорокин и оттолкнул от себя тарелку с салатом. — Не могу есть эту дрянь.

— Закажи себя мяса.

— Так, видишь ли, — взмахнул руками Сорокин, — нельзя мне мясо. И кофе, и сладкое, и перченое. А еще жирное, соленое, копченое.

— У тебя язва, что ли?

— У меня мигрень от докторов.

Сорокин обхватил руками голову, а потом, словно что-то вспомнив, резко опустил их.

— Ты, кстати, кое-что должен знать, — сказал он. — У меня подозрение на пандемию.

— Иди ты, — не поверил Кузнецов.

— Угу, — усмехнулся Сорокин, — я теперь обязан всех предупреждать. Правда, я не понимаю для чего — чтобы не заразить кого-нибудь или чтобы следили за мной. Вдруг я снова захочу повеситься.

— Ты вешался?

— О, я думал, фабричные новости быстро расходятся.

— Мне некогда было собирать сплетни. Я был занят важным проектом.

— Наслышан, — сказал Сорокин. — Ты теперь у нас рок-звезда. Все только и говорят о том, какими почестями тебя наградит руководство.

Кузнецов только теперь обратил внимание, как дрожат руки у его приятеля и как нервно прыгает в его руке вилка, крепко сжимаемая пальцами.

— Я не считаю, что делаю что-то настолько крутое, — сказал спокойно Кузнецов. — Людям просто свойственно болтать.

— Не скромничай. Все знают, что ты теперь в любимчиках у босса.

Кузнецову стал неприятен этот разговор. Ему не нравилось, с какой враждебностью на него смотрит Игорь и как опасно блестит вилка в его руках. Напряжение снял передвижной поднос, доставивший жареную картошку с парными котлетами. Блюдо так аппетитно пахло, что Кузнецов не удержался и понюхал. И, только поставив тарелку перед собой, он увидел, с каким желанием Сорокин смотрит на котлеты.

— Хочешь? — предложил Кузнецов. — Я никому не скажу.

— Хочу, — резко сказал Игорь и быстро обернулся.

— Ты чего?

— За мной все время смотрят, — нервно сказал Сорокин, быстро перекинув себе пару котлет в тарелку с салатом.

— Я никого не вижу, — сказал Кузнецов, бросив взгляд поверх головы приятеля.

— Это не значит, что они не смотрят.

Сорокин быстро запихнул кусок котлеты в рот и начал интенсивно двигать челюстями.

— Хочешь, я еще закажу?

— Закажи, — выговаривая набитым ртом слова, попросил Игорь. — Мяса побольше. Жареного.

Кузнецов сделал новый заказ.

— Так что все-таки случилось с тобой? — спросил он, показывая на шрам.

— Это, — Сорокин показал на шею, — пустяк.

— Хорошенький пустяк. Ты действительно собирался повеситься?

Игорь перестал жевать и замер, разглядывая приятеля.

— Ты чего? — спросил Кузнецов.

— Хочу вот узнать, — медленно проговорил Игорь, — бывает у тебя такое, что кажется, будто мы занимаемся здесь какой-то ерундой?

— Постоянно, — ухмыльнулся Кузнецов. — Я хочу сказать,

неужели всем нужны эти складные вешалки, массажные кресла и щетки. Это же бред.

— Господи, — выдохнул Игорь и опустил голову. — Я уж думал, и ты с ними.

— С кем?

— Слушай, — вдруг скороговоркой заговорил Сорокин, пригнувшись над столом, — это все какой-то зоопарк, где рабочие — марионетки, которые выполняют никому не нужную работу. За нами постоянно присматривают. И на работе, и дома, и даже в такси. Мне кажется, что они даже не просто следят, они нам мозги промывают. Вот прошлое… Ты помнишь детство? Я пытаюсь вспомнить, но все какое-то нечеткое и размытое…

— Игорь, Игорь, опомнись, — остановил его Кузнецов, — кто следит? Какие еще «они»?

— Роботы, — шепотом проговорил Игорь, пугливо озираясь. — Они захватили власть над людьми и теперь разводят нас, как котят или, даже нет, как мышей. Понимаешь. Для опытов.

— Послушай, друг, я понимаю, у тебя стресс, но все эти небылицы…

— Подожди-подожди. Я тебе расскажу, как со мной было. Хочешь ведь узнать, чего я вдруг в петлю полез. Я ведь тогда совсем в отчаяние впал, думал, что один остался. Но потом смотрю — есть и другие. Девочки из планового отдела, лифтер, охранник, ты, возможно, еще таксисты, но не все. Понимаешь? Это целый проект.

Кузнецов откинулся на стуле и начал оглядываться по сторонам в поисках помощи. Его приятель был явно не в себе.

— Только ты выслушай, — попросил Игорь, — не перебивай. От этих лекарств и так в голове все путается. Сперва были эти чертовы нервы. Ну, помнишь, я говорил, что мне специально подсовывают штуки, чтобы свести с ума. Вот. Не знаю, но, похоже, действительно случайность. Зачем им, если я нужен для опытов. В медцентре меня проверяли и тестировали, а потом подключили капельницу. Ну, знаешь, обычно же сразу вырубает с нее. А я все успокоиться не мог. Лежал, а в голове мысли про виселицы, про электрические стулья. Может, правда пандемия. Но они меня подключили и думали, что я уснул. А я, знаешь, так глаза закрыл, словно так и есть, а сам слушаю. Думаю, сейчас доктор придет проверять, перекинется парой слов с медсестрой, я, может, и узнаю правду. Но знаешь что?

— Что? — нервно спросил Кузнецов.

— Они вообще не разговаривали. Я глаза приоткрыл самую малость, так, знаешь, чтобы не заметили, и стал наблюдать. Доктор только посмотрел на сестру, и та пошла выполнять

команду. Телепатия прям.

— А ты не думаешь, что тебе это просто приснилось. Ты все-таки под капельницей был.

— Нет, — убежденно сказал Игорь, — я точно не спал. И это еще не все. Когда сестра выполнила распоряжение доктора, она подошла к стене и открыла шкафчик пожарного гидранта. Такие стоят по всей фабрике. Но не шланг она оттуда достала, а толстенный провод. Вот такой.

Игорь соединил указательный и большой пальцы, демонстрируя толщину провода.

— Из провода, — продолжил он, — выскочила иголка, которую эта сестричка засунула себе прямо в ухо. И замерла где-то минут на десять. Я как увидел это все, так перепугался. Решил, что дождусь, пока она не закончит, и сбегу к черту из этого медцентра. Но, видимо, дыханием или чем-то другим я себя выдал. Сестра повернулась ко мне, и ты бы видел ее пустые стеклянные глаза, еще эта штука, торчащая из уха… В общем, от ужаса я вскочил и кинулся к двери. Но тут в палату влетели доктор с охранником. Они меня скрутили и что-то вкололи. Очнулся я уже как буйно помешанный на кровати с ремнями. Две недели они меня потом пытали всякими лекарствами, от которых я становился как идиот. Развязали, только когда убедились, что я согласен с тем, что все, что было, — лишь плод моего воображения. Надо сказать, я уже действительно готов был поверить в это. Но вот только когда я случайно задел плечом тот самый гидрант, меня тут же оттащили подальше. Я, конечно, притворился, что просто меня шатает от лекарств, но именно тогда я понял, что все это правда. Они роботы, которым зачем-то нужны мы.

— И зачем же? — спросил Кузнецов.

— Я так и не понял, — опустив голову, сказал Сорокин. — Но уж точно ничего хорошего. Они меня даже домой не пускают. Живу в медцентре. Попросился на работу, чтобы придумать, как сбежать. Но тут следят еще внимательнее.

— Как они могут тебя не пускать домой?

— Боятся, что я с собой что-нибудь сделаю.

Игорь доел последние котлеты.

— Небезосновательно, похоже, — заметил Кузнецов.

— Ты просто не проходил через это, — сказал Сорокин и отодвинул тарелку.

Вилку он по-прежнему сжимал в руке.

— Когда меня отпустили в первый раз, я думал, что схожу с ума. Буквально все вокруг казалось ненастоящим. Еда эта распечатанная, одежда, как по заказу, такси. Но главное — люди.

Я начал вглядываться в людей. Соседи всегда улыбаются и почти не разговаривают друг с другом, коллеги сидят за столами, не меняя позы часами, случайные люди выглядят и ведут себя так, словно сошли с конвейера: всегда выглаженная одежда, прямая осанка, спокойные выражения лиц. Ты когда-нибудь видел, чтобы на улице о чем-нибудь громко спорили или ругались? И я нет. Такое может быть только в искусственном мире. Я когда это понял — такая тоска взяла. Получается, что я лишь чья-то игрушка, вокруг роботы, и никакого просвета, никакого будущего.

Сорокин откинулся на стуле и потер шею.

— Помню, пришел домой и все никак не мог решить, как быстрее дело кончить. Знаешь, мы живем в очень безопасной среде — ни тебе газа, ни тебе опасных лекарств. Хорошо, что ремни остались. Смастерил петельку, закинул светильник и оп — готово. Но только это был не конец. Почти моментально в мою дверь вломилась соседка. Тетя Мотя. Ее все так называли, когда здоровались. Сколько себя помню, она всегда жила напротив моего дома. Маленькая, сухенькая, чуть хромая. И вот эта старушка от двери подпрыгивает к потолку и, схватившись за ремень, легким движением вырывает крюк из перегородки. Каково, да? За полсекунды освобождает меня из петли и, как заправский доктор, начинает проверять мои зрачки. У нее были такие сильные и холодные руки.

— И потом тебя забрали в больницу? — уточнил Кузнецов.

— Не спеши, друг, — усмехнулся Сорокин, — я тебе главного не рассказал. Знаешь, когда я понял, что она не человек, то сразу перестал бояться. Чего бояться, если я уже почти отправился на тот свет. Когда она отвернулась, чтобы достать что-то из кухонного ящика, я схватил чайник и со всей дури бахнул старушку по голове.

— Ты сдурел? — не выдержал Кузнецов.

— Я сам себя испугался. Но это быстро прошло, когда вместо крови из неестественной вмятины на голове полилась синяя жидкость. Мотя повернулась ко мне как ни в чем не бывало и лишь покачала головой. Потом в дом ворвались другие… Уже не помню кто. Они меня скрутили, а затем вырубили препаратом, наверно, таким же, как в медцентре. Потом месяц мне внушали, что это были галлюцинации — побочный эффект лечения. Ты слышал про такую побочку?

— Нет, — честно ответил Кузнецов.

— Вот и я не слышал. Но, видимо, по-другому они обманывать не умеют.

— А может, это действительно были видения, — предположил Кузнецов. — Сам подумай, каковы шансы, что такое

на самом деле могло бы быть. С другой стороны, у тебя явно начались психологические проблемы. Ты сам это признаешь.

— Я и не ожидал, что ты мне поверишь. Я бы и сам себе не поверил. Но я видел то, что видел. Не знаю, что это. Мир, захваченный роботами, инопланетянами или ад. Но я здесь оставаться не намерен.

Сорокин вскочил со своего места.

— Что ты собираешь делать? — взволновано спросил Кузнецов.

— Я не могу здесь больше оставаться! — выкрикнул Игорь и побежал к окну.

Тут же ему наперерез кинулись двое мужчин в фабричных костюмах медцентра. Кузнецов даже не успел заметить, как они появились в столовой.

Сорокин запрыгнул на подоконник и начал неистово дергать ручку окна, но та не поддавалась. Тогда он спрыгнул на пол, одной рукой схватил стул и бросил его в окно. Но стекло выдержало удар, даже не покрывшись трещинами. К этому времени к Игорю уже подбежали сотрудники медцентра.

— Не подходите! — закричал Сорокин и выставил перед собой руку, в которой он все еще сжимал вилку.

— Это глупо, — сказал один из сотрудников медцентра, — вы все еще нестабильны. Вам нужна помощь.

— Ничего мне от вас не нужно. Я хочу выбраться отсюда!

— Вы все равно не сможете, — спокойно продолжил сотрудник, — окна непробиваемые, а на улице вас встретят охранники. Пожалуйста, положите столовый прибор и идемте с нами. Обещаю, вам станет лучше. Все равно у вас нет никакого выхода.

— Выход есть всегда, — вдруг успокоившись, сказал Сорокин.

Быстрым движением он перехватил вилку зубцами вниз и резко воткнул себе рукоятку в правый глаз. Сотрудники медцентра молниеносно бросились на него, хватая за руку, поднесенную к лицу. Но уже было поздно. Бесчувственное тело Игоря рухнуло на пол.

19

Шок, который получил Кузнецов, просто не с чем было сравнить. Он никогда такого не испытывал. Никто никогда не погибал на его глазах, а уж тем более человек, которого ты хорошо знаешь. В таком ошарашенном состоянии он пришел домой.

— Я все уже знаю, — сказала Ангелина и обняла мужа. — Сообщили по новостям. Бедный, как тебе должно быть тяжело. Ты ведь знал этого Сорокина?

— Знал, — ответил Кузнецов. — Мы хорошо общались.

— Надеюсь, ты сам не пострадал?

— Что? Нет. Как я мог пострадать. Это все долбаная фабрика. Они довели Игоря.

— Что ты такое говоришь?

Ангелина отстранилась от мужа и посмотрела тому в глаза.

— Сорокин был сумасшедшим. При чем тут фабрика?

— Ты не слышала, что он говорил.

— Ну так расскажи. Только не здесь. Иди переоденься в домашнее, пока я разогрею ужин, за столом все и объяснишь.

Кузнецов послушно поплелся в свою комнату — переодеваться. По дороге ему пришла в голову мысль, что, может, действительно его приятель изначально был не в порядке. Может, дома не ладилось, а может, просто устал. Вряд ли бы он сошел с ума, если бы его встречала на пороге красавица-жена и теплый ужин.

Вернувшись на кухню уже в домашнем, Кузнецову уже даже не хотелось ничего обсуждать, так его обволокло уютом и теплом дома. На столе вкусно пахла жареная рыба, обрамленная на тарелке рисом и овощами. Рядом стояли бокалы с вином. Какие уж тут разговоры о работе. Но Ангелина ждала. Она ни слова не сказала, пока он ужинал и пил вино, но как только закончил — требовательно попросила подробностей сегодняшней трагедии. Кузнецов откинулся на стуле, сделал глоток прохладного белого вина и нехотя рассказал ей все, что сам запомнил.

— Какой ужас! — сказала Ангелина. — Прямо обратной стороной вилки?

— Да, — кивнул супруг, — вот так.

Кузнецов продемонстрировал на себе с помощью большого пальца, как именно Игорь расстался с жизнью.

— Не показывай на себе.

— Я не верю в суеверия.

— Я тоже. Но я верю в импульсы и случайности. Поранишься

еще. Тебе не показалось странным то, что он рассказывал?

— Про роботов и инопланетян? — усмехнулся Кузнецов. — Знаешь, он был довольно убедительным. Но это же явно шиза. Паранойя или как это… Синдром преследования. Чушь, в общем.

— Я рада, что ты так спокойно во всем этом разобрался, — с улыбкой сказала Ангелина. — Я читала на медпортале, что безумные идеи могу передаваться. Пообщаешься так с больным и сам начинаешь чувствовать, что с миром что-то не так: кругом заговоры мерещатся, тайные общества и враги. А ну еще сатана и роботы.

— И инопланетяне, — напомнил Кузнецов, усмехаясь.

— Как же без них.

Ангелина задумчиво уставилась в стол.

— Все нормально? — спросил Кузнецов.

— Знаешь, если бы не это событие, нам бы тоже было что обсудить?

— Например?

— У меня две новости: одна хорошая, другая не очень.

— Начни с плохой.

— Я сказала «не очень».

— Что значит, что она действительно отвратительная. Рассказывай уже.

— Мне пришлось серьезно залезть в кредит.

— Что! Зачем? — воскликнул Кузнецов. — У нас же есть сбережения.

— Наших сбережений едва хватит даже на сотую часть того, что нужно.

— О чем ты говоришь?

— А вот и вторая новость: у нас получилось.

Ангелина победоносно вскинула руки и улыбнулась.

— У нас будет ребенок? — уточнил Кузнецов.

— Да, глупый.

— Ух ты!

Кузнецов бросился обнимать жену и чуть не уронил ее со стула.

— Теперь ты понимаешь, зачем нам кредит, — освобождаясь от объятий мужа, сказала Ангелина.

— Пеленки, распашонки, коляски.

— Это потом. Сперва нам нужна очень хорошая больница. И доктор. Все это стоит очень недешево.

— Ты думаешь, мы сможем все это позволить?

— Сейчас — нет. Но кое-кто получил повышение и крутой проект, так что, думаю, еще и останется на бутылочки и соски.

20

Бодрым шагом Кузнецов вошел в приемную директора. Он знал, что устройство, над которым он бился столько времени, должно быть уже готово, и, скорей всего, поэтому его вызвал начальник. В мечтах пестрели огни салютов, в ушах — звуки фанфар, и где-то вдалеке, на воображаемом горизонте, — отпуск с семьей у моря, на мягком теплом песке.

— Ты что сделал! — сходу наорал на него директор. — С ума сошел, такое выпускать. Нас же засудят после первой партии.

Кузнецов так и замер на пороге начальственного кабинета.

— Я не понимаю…

— Твоя щетка должна была стать прорывом, а не провалом. Нас чуть не оштрафовали за такое использование ресурсов фабрики. Председатель комиссии орал так, что подчиненные разбегались. За что ты так со мной? Я ведь только хорошее для тебя делал.

— Мое изобретение провалилось? — удивился Кузнецов. — Но почему? Я сделал все, как вы говорили. Усовершенствовал, но не слишком. Создал абсолютно новую концепцию, которую все захотят.

— Ты сделал опасную пылетерку, которая уничтожает более дорогую бытовую технику в доме. Что ты применил в качестве импульсного очистителя.

— Резонатор Клауса, — ответил Кузнецов. — Это же наша разработка. Она безопасна.

— Она безопасна, если не имеет направляющего луча, — продолжал кричать Александр. — Я даже не знаю, гордиться тобой или ругать. Ты фактически создал оружие ближнего боя, только бесполезное и очень дорогое. Это как если бы ты сконструировал самурайский меч в эпоху огнестрельного оружия.

— И что теперь?

— А все, — вскинул руки директор. — Баста. Наш проект закрыли. А с меня еще спросят за потраченные деньги на разработку и за то, что я держу таких оболтусов у себя. Но с последним ничего уже не сделаешь, а деньги ты мне вернешь.

— Как? — испугался Кузнецов.

— Очень просто, — сказал директор, вдруг успокоившись. — Во-первых, мы снимаем с тебя все надбавки и премии. Во-вторых, ты будешь выплачивать по тридцать процентов из своей зарплаты в течение трех лет. Ну и тебе придется хорошенько потрудиться, чтобы следующие твои проекты принесли фабрике хоть какую-то прибыль. Иначе я имею полное право уволить тебя за

несоответствие занимаемой должности. Пойдешь в охранники или грузчики. Ну или совсем с фабрики. И никакая трудовая комиссия мне ничего не сделает после той характеристики, что дали тебе наши спонсоры.

— Но я не могу сейчас потерять работу. И деньги мне нужны.

— Раньше надо было думать, когда ты решил использовать дорогостоящую разработку в обычной щетке.

— Но вы же одобрили?

— Я одобрил? — возмутился директор. — Ты еще свали на меня свой прокол. Ты разработчик и должен понимать все последствия своих решений. А что я понимаю в этом? Я всего лишь менеджер, очень эффективный, но менеджер. Понимаешь? Так что ответственность только на тебе.

— И что, ничего уже нельзя исправить?

— Не знаю, — ответил Александр и вдруг снова перешел на официальный тон. — Даже представить не могу, что вы тут можете исправить. Я отправил вам прототип, так что это теперь ваша игрушка, делайте с ней все, что захотите. Счет за эту несуразицу все равно придется оплатить. Но вдруг на базе этой идеи вам придет в голову хорошая мысль. В любом случае, следующие три года хорошие мысли вам очень понадобятся.

Разбитый новостью Кузнецов вернулся на свое рабочее место. На столе стояла небрежно запакованная в черный целлофан картонная коробка.

— Вот и ты, — сказал Кузнецов, начиная распаковывать свое неудачное изобретение.

Ему было до ужаса обидно, что столько сил и энергии оказалось потрачено впустую. Но, может, он попробует все исправить?

Неожиданная мысль заставила Кузнецова активнее вскрывать упаковку. И очень скоро перед ним оказалось воплощение того, что он видел только на чертежах и проектах. Его «Щетка два ноль» или, как предложил назвать ее директор, — РИИП.

Импульсный истребитель был великолепен — черная рукоять так и просилась в ладонь, округлая форма придавала устройству вид космического корабля, хотя немного портила картину выдающаяся часть с кистью.

Кузнецов направил устройство на перегородку, отделяющую его от коллеги, и вдавил округлую кнопку, расположенную на ручке. РИИП мигнул огоньком диода, и стенка вдруг стала обретать прозрачность, которой давно уже не имела. Конечно, перегородки протирались уборщиками, но никто всерьез их никогда не мыл, отчего стекла мутнели и покрывались разводами. Работники не обращали на это внимания, считая, что

так даже лучше — сидеть в аквариуме никому не нравилось, а уборщики особенно и не старались. Но вот теперь Кузнецов увидел, как на самом деле должна выглядеть чистая перегородка, с которой удалены все мельчайшие частицы грязи и пыли.

— Что за черт! — выругался конструктор, сидящий спиной к очищенной перегородке. Его монитор вдруг погас, а из пластикового корпуса компьютера повалил дым.

Кузнецов поспешно убрал РИИП и натурально изобразил удивление.

— Ты представляешь, — сказал неудачливый коллега, показывая на свой дымящийся комп.

— С ума сойти, — поддакнул ему Кузнецов. — Замыкание, наверное.

— Наверняка чистильщики где-то воды налили.

— Чего только ни бывает, — пожал плечами Кузнецов, совершенно не чувствуя раскаяния.

У него вдруг возникла идея, которая могла бы его спасти, вернее не его — устройство, что в данном случае то же самое. Импульсный истребитель работает действительно отлично, проблема лишь в радиусе действия. Он не задал в техническом задании такую настойку, а чертовы инженеры выкрутили мощность на максимум. Конечно, она сжигает электроприборы при таком раскладе. Надо доработать РИИП и убедить руководство провести тесты еще раз, тогда комиссия поймет, какой замечательный прибор они упускают.

Кузнецов еще раз посмотрел на сверкающее в тусклом свете ламп стекло перегородки и, улыбнувшись, спрятал РИИП обратно в пакет. Он понимал, что в условиях проектного отдела ничего сделать не получится, а в производственный его никто не пустит без разрешения. Значит, устройство надо были нести домой и там смотреть, что можно сделать.

Стараясь не поднимать шума, Кузнецов спокойно собрался и, прихватив изобретение, двинулся к выходу.

— Куда это вы направились? — остановил его голос начальника, который вдруг появился в конструкторском отделе. — Рабочий день только начался.

— Понимаете, — стал суетливо объяснить Кузнецов, — я, кажется, понял, как можно все исправить. Тут надо только с мощностью поработать и все. Хорошее же изобретение, полезное.

— И где вы собираетесь его дорабатывать?

— Дома.

— Хм. Берете работу на дом? Что ж, — начальник задумался. — Получается, что вы и не прогуливаете вовсе, а просто хотите поработать дистанционно.

— Верно, — обрадовался Кузнецов. — Вот увидите, эта щетка еще сделает нас самыми успешными и богатыми.

— Хорошо бы, — кивнул чему-то Александр. — Но я вас отпускаю только на день. Завтра же будьте на рабочем месте и займитесь новой работой. Сегодня, так и быть, сделаю вам послабление. И не говорите потом, что начальник не на вашей стороне.

21

Направляясь домой, Кузнецов испытывал смешанные чувства. С одной стороны, его охватывал азарт — исправить устройство, с другой — тоска и тяжесть возможных последствий. Его жена уже залезла в долги, она рассчитывает на него, а он…

Беспилотник подкатил к дому. Кузнецов вышел из машины, прижав сверток с изобретением к себе. Домой он вошел без стука, просто распахнув незапертую дверь. Он очень торопился прошмыгнуть к себе в комнату, оставшись незамеченным женой. Ему совсем не хотелось объясняться с ней сейчас. Может, позже, когда он установит мощность прибора на приемлемую величину, ему проще будет говорить с ней. Когда ты не просто надеешься на чудо, а уже готов возвращаться в бой с готовым решением — это легче.

Все благоволило Кузнецову: жены не было ни в гостиной, ни на кухне, через которые ему пришлось идти.

«Может быть, она вообще не дома?» — промелькнула в его голове мысль. Он так привык, что Ангелина встречает его, когда он возвращается домой, что ощутил легкий дискомфорт, не встретив супруги в прихожей. Проще было представить, что она куда-то ушла. Хотя куда? Выбросив лишние мысли из головы, Кузнецов на цыпочках поднялся по лестнице в спальню.

Еще у двери он услышал скрип.

Так, значит, она дома. Может, легла почитать или посмотреть какой-нибудь сериальчик.

Но скрип звучал как-то подозрительно ритмично. Слишком знакомо.

Кузнецов резко распахнул дверь спальни и чуть не задохнулся от шока. Его дражайшая супруга разделяла их ложе с отвратительным соседом.

— Лина! — только и смог выкрикнуть Кузнецов.

— Ты что здесь делаешь? — вскакивая с кровати, сразу пошла в наступление жена. — Ты же должен быть на работе.

— Что! — опешил он от такой наглости.

— Так, соседи, — натягивая штаны, решил выступить Петр, — я понимаю, ситуация щекотливая, но давайте обойдемся без драм. Все люди взросл…

Сильный удар по голове заставил его замолчать.

Кузнецов влепил соседу по голове своим неудавшимся устройством, все еще завернутым в упаковку.

Тело Петра с грохотом шлепнулось на пол.

— Ты с ума сошел! — закричала Ангелина.

И сам от себя не ожидавший такого Кузнецов, медленно подошел к поверженному соседу. Руки Петра как-то неестественно двигались, одна нога совершала движения, словно бы собиралась куда-то уйти, отделившись от тела, на голове зияла огромная вмятина, которые бывают у автомобилей после аварии, а из глаз текла синяя жидкость.

— Что это? — вдруг севшим голосом проговорил Кузнецов.

Ангелина по-деловому обошла кровать и посмотрела на тело любовника, затем она перевела взгляд на побелевшего супруга и спокойно произнесла:

— Ты только успокойся. Я сейчас все объясню.

От тона голоса, от спокойствия в ее движениях Кузнецову вдруг стало очень страшно. Словно бы не его Ангелина это была, а какой-то хладнокровный монстр, вселившийся в ее тело.

— Не походи ко мне, — пригрозил Кузнецов, делая шаг назад.

— Ты чего, — вдруг улыбнулась Ангелина, — это же я.

Она сделала шаг к мужу.

— Стой, где стоишь!

— Успокойся. Ну да. Ситуация неприятная, но так надо было. Только ты не должен был его бить.

— Что с ним? — показывая на истекающее синей жидкостью тело, выкрикнул Кузнецов. — Почему он все еще двигается? Почему это из него льется.

— Я все объясню, — тем же спокойным голосом продолжила Ангелина и сделала еще один шаг к супругу.

— Стой, я сказал, — выкрикнул Кузнецов и, защищаясь, выставил перед собой сверток.

Он не понимал, что делает, но инстинктивно пытался защититься предметом, который уже стал оружием, вырубив Петра.

— Что это? — спросила Ангелина, продолжая мило улыбаться.

— Это… Это вот!

Кузнецов разорвал упаковку и показал РИИП. Импульсный истребитель пыли пострадал не меньше, чем голова Петра: ручка погнулась, а торчащая кисть почти обломалась.

— А-а, — тихо протянула Ангелина, — твое устройство. Не стоит им размахивать направо и налево. Давай успокоимся и все обсудим.

— Обсудим, — крикнул Кузнецов, — но сперва ты мне объяснишь, что это за тварь растекается синей жидкостью на моих тапочках.

— Ну, хватит, — вдруг строго сказала супруга, перестав

улыбаться. — Мне это надоело. Я же тебе сказала, что все объясню, как только ты опустишь свой метелку и попробуешь успокоиться.

— Я пробую, я честно пробую. Только вот не получается. Либо ты мне все объяснишь, либо…

— Что? — улыбнулась Ангелина. — Тоже стукнешь меня по голове?

И вдруг Кузнецов понял. То, как двигалась его супруга, как говорила с ним, как безэмоционально посмотрела на поверженного соседа, выдавало в ней совсем не человеческое существо. Наверное, в его глазах что-то такое отразилось, что заметила Ангелина. Он тут же перестала улыбаться и просто кивнула.

— Да, — сказала она. — Я не человек.

— Так Игорь был прав? — вспомнил Кузнецов. — Вы роботы.

— В нас есть механическая часть. Роботы — это слишком примитивно. Но теперь ты знаешь, и мы можем обсудить ситуацию.

— Ситуацию! — закричал Кузнецов. — Ситуацию! Вы его убили, когда он все узнал. Теперь и моя очередь?

— Никто его не убивал. Ты же видел.

— Вы довели его. Вы… Вы… Сколько же вас?

— Почти все, — спокойно ответила Ангелина.

— Все? — опешил Кузнецов.

— Это действительно стоит обсудить и не на бегу. Давай сходим на кухню, выпьем по стаканчику чая.

— Не-ет! Я больше никуда с тобой не пойду.

Кузнецов вспомнил про свое изобретение.

— Говоришь, у вас есть механическая часть?

Он выкрутил ручку мощности РИИПа на полную и направил щетку на супругу.

— Не делай глупостей, — чуть медленнее сказала Ангелина. — Это ничего не даст. Мы связаны беспроводной сетью. Сюда уже едут диспетчеры. Они тебя обезвредят. Но ты можешь добровольно их встретить, и тогда не будет никаких процедур, только…

РИИП даже не пискнул. Слабо щелкнул пластик зажатой кнопки, и поток частиц мгновенно влепился в тело робота. От импульсного удара голова Ангелины резко откинулась назад, вырывая из шеи какие провода и шланги, из которых тут же брызнула синяя жидкость, такая же, как из глаз Петра.

Резкий запах паленого пластика ударил в нос. То, что еще совсем недавно было головой его любящей жены, болталось на сервоприводах где-то в районе лопаток. Тело андроида замерло в

неестественной позе. Импульсный истребитель продолжал неистово гудеть в руках, выжигая остатки электронной начинки робота.

Кузнецов выключил свое неожиданное оружие и выглянул в окно. Он знал, что еще минута — и здесь будет целая армия механических чудищ. Выход мог быть только один — бегство, подальше от этого проклятого города, туда, где горы, где не ловят приборы и датчики и где его не найдут.

22

К его дому подъехало такси. Кузнецов не стал выяснять, кто его вызвал и когда, главное — это был не беспилотник. С человеком всегда можно договориться, с машиной — нет.

Отрывая на бегу уже ставшую бесполезной погнутую кисть РИИПа, Кузнецов приблизился к автомобилю. За рулем сидел знакомый водитель, который уже подвозил его не раз. Только теперь водитель был без кепки и, когда авто остановилось, зачем-то вылез на улицу.

— Оставайтесь на месте, — сказал водитель Кузнецову. — К вам сейчас подъедут диспетчеры и все объяснят.

Это не звучало как угроза, но Кузнецов ее услышал. Направив на водителя такси РИИП, он показал жестом, чтобы тот отошел от машины.

Водитель не сдвинулся с места.

— Я выстрелю, — пригрозил Кузнецов. — Я это уже делал.

— Я знаю, — спокойно ответил водитель, даже не делая попыток заслониться руками или отойти.

— Как знаешь, — зло сказал Кузнецов и снова нажал кнопку импульсного истребителя.

На этот раз он целился в грудь. Водителя немного отбросило назад, отчего тот упал и больше не шевелился. Кузнецов не стал рассматривать очередного поверженного робота, а просто запрыгнул на водительское кресло заведенного автомобиля и выжал до упора педаль газа. Черный Форд Фокус рванул с места, оставив на гладком асфальте след от пробуксовки шин.

Проблема была только в том, что Кузнецов не знал, куда ехать. Большую часть жизни он изучал только два маршрута: работа — дом, дом — супермаркет. До магазина ехать ближе, но там маршрут и заканчивался вместе с дорогой, расползшейся на безлюдную парковку, и он рванул в сторону фабрики. Это дорога и дальше, и имеет ответвления. К тому же Кузнецов еще не решил, как действовать. С одной стороны, он впервые что-то делает не по расписанию, с другой — у него нет ни малейшего шанса противостоять тому урагану, который должен обрушиться на него, если покойный Игорь был прав и все вокруг — это эксперимент роботов над людьми.

Кузнецов попытался вспомнить, что еще ему говорил Сорокин. Роботы, эксперимент, зарядный кабель за ухом. Там вот почему благоверная не любила такие ласки! Слежка повсеместная и непрекращающаяся. Детство.

Кузнецов попытался вспомнить свои ранние годы. Что было:

детский сад — туманно, но никто этих лет почти не помнит. Школа. Туманно, какие-то обрывочные имена, разрисованные портфели, девочка, очень похожая на его жену. Стоп! А как он познакомился с Ангелиной? В памяти всплывает какой-то курорт, на аттракционы вместе в очереди стояли. Но… Кузнецов вдруг резко дал по тормозам, отчего машина чуть не вылетела с дороги.

Ни в какой отпуск он никогда не ходил и ни на каких курортах не был. Кажется, жена просто появилась в его жизни вместе с пятном воспоминаний о каком-то банкете и платье. Господи! А родители? Кузнецов вдруг понял, что совсем не помнит их. А вообще, они у него есть? А если есть, то где они? Живы ли?

Так что? Ему действительно промыли мозги? Что он, вообще, знает о себе и о своем мире?

Он женат, работает на фабрике удобных вещей, у него есть друг, вернее был…

Странно, но Игоря Кузнецов тоже помнил только последние несколько месяцев, причем как они познакомились и почему, вообще, общались — не представлял.

Где-то сзади мелькнули огни фар. Надо было срочно что-то решать. Кузнецов думал недолго, он уже в голове выстроил план побега, но боялся его реализовать, слишком уж шокирующим было для него открытие сегодняшнего дня. Впрочем, не слишком. Кузнецов попробовал проанализировать свои эмоции и понял, что реакция на происходящее должна быть гораздо сильнее. Может, паника, обморок, истерика. Но почему-то ничего такого не было.

Об этом стоило поразмыслить, но в другой раз. Сейчас ему необходимо скрыться, сбежать из города, и как можно скорее. Единственное место вне города, которое видел Кузнецов, находилось в районе мостов, куда он и повел автомобиль.

Добравшись до мостов и съехав с трассы, он, не колеблясь, повернул в сторону гор, уводя автомобиль прямо по твердому пустынному полю в неизвестную даль.

Через два часа дороги Кузнецов наконец-то почувствовал изменение ландшафта. Все больше его путь становился холмистым и зеленым. Низкие деревья, которых не видно с мостов, совершенно неожиданно оказались на пути, вырастая прямо из камней. Скоро Кузнецову пришлось оставить машину и продолжить свой путь пешком, благо прогони за ним так и не обнаружилось.

Спустя сорок минут ходьбы, порядком уставший, он дошел до предгорья, которое уходило в сторону, где-то правее превращаясь в горы, для себя же он выбрал другое направление — прямо, где начиналась лесная полоса. Еще не дойдя до нее, Кузнецов увидел

торчащий из-за деревьев шпиль башни, такие ему встречались и в городе. Он знал, что это сотовая связь, но не предполагал, что она распространилась так далеко от города. Выбрав вышку в качестве ориентира, Кузнецов пошел вперед. Он рассчитывал немного передохнуть и обдумать дальнейший маршрут, но все в его новом мире сегодня шло наперекосяк. Не успев дойти до башни каких-то сотню шагов, он услышал жуткий грохот взрыва, сменившийся скрипом ломающихся металлических балок. Башня шумно рухнула, ломая деревья.

Где-то невдалеке послышались радостные возгласы.

Люди! Разве роботы могут так радоваться вандализму.

Ни секунды не мешкая, Кузнецов отправился к ним.

23

Где-то вдалеке завыла сирена, распугивая птиц. Кузнецов еще чувствовал запах гари и видел черный дым, повисший в небе после взрыва, но почему-то его это только радовало. Было что-то созвучное в этом акте агрессии с его собственным мироощущением. Он бежал в сторону своих, таких же отважившихся бросить вызов системе, и очень боялся, что их не окажется в том месте, куда он стремился. Или еще хуже — выяснится, что они такие же роботы, а взрыв — это просто технические работы, уничтожение неисправного оборудования.

Но нет, подбежав к месту взрыва, Кузнецов успел заметить убегающих в чашу людей. Ничего конкретного, только болотного цвета куртки. Значит, не случайная акция — настоящие партизаны. Он бросился догонять их, не заботясь о шуме, который он создает, ломая ветки, не опасаясь, что убегающие не особенно обрадуются, что их заметили. Желание найти своих было сильнее страха.

Партизаны явно хорошо знали эти места и умели по ним передвигаться, поэтому Кузнецов очень скоро потерял их из виду. Он так испугался, что не сможет никого догнать, что совсем не обратил внимания на топорно выставленную ловушку, в которую он с треском загремел.

В секунду он оказался на дне наспех вырытой ямы, и тут же засвистела веревка, стягивая полупрозрачную ткань вокруг тела. Кузнецов ничего не видел, только чувствовал, как чьи-то руки подняли получившийся мешок, погрузили на какой-то шумный транспорт и повезли в неизвестность.

Он не кричал, не звал на помощь, просто ждал. Хоть он и ожидал, что его схватили те самые партизаны, к которым он стремился, но полной уверенности не было.

Везли недолго, потом тащили и наконец решили освободить.

Оглядевшись, Кузнецов понял, что оказался в узкой земляной пещере. Здесь трудно было стоять в полный рост, и ему приходилось пригибать голову, с которой мелкими каплями стекала кровь из рассеченной брови — травмы, возможно, полученной при падении в ловушку.

На него смотрели две пары глаз и ствол автомата. Кузнецов не видел лиц, спрятанных под черными масками, но настороженные позы и наведенное оружие производили тревожное ощущение.

— Смотри, у него кровь, — сказал тот, что был с оружием.

— Вижу, — коротко ответил другой.

— Это значит, что он человек.

— Это ничего не значит, кроме того, что он пришел оттуда.

— Я человек, — сказал Кузнецов. — И я действительно оттуда, но я сбежал.

— Разберемся, — сказал обладатель оружия.

— Я схожу за Ферзем, — сказал другой и скрылся в глубине пещеры.

Кузнецов благоразумно молчал, понимая, что говорить надо не с оставшимся его сторожить мужчиной, а с кем-то, кто принимает решения у повстанцев.

Из литературы он знал, что подобные организации часто принимают в свои ряды довольно маргинальных субъектов. Кто знает, что в голове у автоматчика, может, он отстреливает людей ради удовольствия.

К его счастью, скоро показался главный — высокий широкоплечий мужчина со шрамом в пол-лица. Он был словно выписан из книжек про вожаков и пиратов — сильный профиль, развернутые плечи, массивный подбородок и очень уверенный взгляд.

— Кто ты? — спросил вожак у Кузнецова.

— Я человек.

— Это ясно. Почему ты здесь?

— Я понял, что все вокруг роботы и решил сбежать.

Вожак перекинулся взглядами с партизанами и сказал:

— Как и мы все. Чем ты занимался в городе?

— Проектировал удобные вещи.

— Еще один, — усмехнулся автоматчик. — Железяки, похоже, ничего умнее придумать не могут.

— Они придумали систему, при которой большинство людей даже не задумываются, что живут в рабстве, — отрезал вожак.

— Только не мы, — сказал автоматчик.

— Да, только не мы, — согласился вожак. — Потому что мы выбрали другой путь — путь свободы. И пусть мы живем без всех этих удобств, нам легче дышится на воле.

— Да-а! — закричали разом автоматчик и другой партизан.

— Присоединишься ли ты к нам? — спросил вожак.

— Конечно, — поддаваясь порыву, ответил Кузнецов.

— Я Ферзь, — представился он. — У нас здесь не принято обращаться друг к другу по именам, которые нам дали железяки. Это Гвоздь, — он показал на автоматчика. — А это Пуля.

Только теперь Кузнецов заметил, что вторым партизаном была женщина. Она, конечно, сильно проигрывала по внешности его Ангелине, да и большинству девушек, которых он знал, но все же он почувствовал к ней симпатию. Она была настоящей.

— Мне тоже надо придумать кличку? — спросил Кузнецов.

— Давай, — согласился вожак, — только не очень пафосную. Пусть она отражает твои способности или хотя бы намерения.

— Бластер, — улыбаясь, сказал Кузнецов. — И я могу даже продемонстрировать почему.

Тут он извлек из-под полы куртки изрядно потрепанный РИИП.

— Что это за штуковина? — спросила Пуля.

— А это практически бластер и есть, — улыбаясь, сказал Кузнецов. — Я поджег с его помощью уже трех железяк.

— Круто! — восхитился Гвоздь.

— Ладно, поздно уже, — с сомнением поглядывая на оружие Кузнецова, сказал вожак. — Завтра посмотрим, на что ты способен.

— Вы возьмете его на акцию? — удивилась Пуля.

— А как нам еще его проверить? — спросил Ферзь. — Пусть покажет себя в деле. И… эту штуку тоже. А то мало ли кто к нам из города забредает. Может, машины научились вербовать людей. Посидит ночь в карантине, а после акции тогда представлю его остальным.

— Мудро, — согласился Гвоздь.

Кузнецова отвели в грот, который запирался на решетку, вкопанную в землю. И хоть он и не собирался сбегать, все же подумал, что камера эта не слишком надежна. Может, Ферзь намеренно оставил его здесь без охраны? Тоже своего рода проверка.

Думать было тяжело, сонно. За день Кузнецов столько всего пережил, что закономерно валился с ног. Он устроился на старом ватнике, который ему вручили, запирая клетку, и почти мгновенно уснул.

Говорят, что уставшим не снятся сны, но ему снились: Ангелина, которая бродит по их милому поселку без головы, сосед, с торчащими из ушей проводами, директор, который почему-то выращивает розы и все сокрушается, что они не растут.

Среди ночи его разбудил какой-то шорох. Кузнецов поднялся на локтях и огляделся — не хватало еще, чтоб это была крыса. Он так привык к комфорту и безопасности, что совсем не представлял, что делать с грызунами. Но это оказалась Пуля. Она просунула свое рябое, перепачканное землей лицо в грот и шепотом позвала:

— Эй, Бластер, ты не спишь там?

— Сплю, — хрипло ответил Кузнецов. Бог знает, что нужно было этой странной женщине от него.

— Я тебе воды принесла, — она протянула ему помятую

флягу.

— Почему? — не торопясь брать подношение, спросил Кузнецов.

— Ты же хочешь, наверное, пить?

— Я-то хочу. Зачем это тебе? Почему сейчас — среди ночи?

Брови воительницы насупились, видимо, демонстрируя смущение.

— Не хотела, чтобы кто-нибудь знал, что я пришла. Ты не думай, я просто поговорить, без всяких там…

— О чем?

— Ты же только «оттуда»? Как там сейчас?

— А ты давно «там» не была?

— Уже третий год по лесам бегаем, — тяжело вздохнула Пуля.

— Зато на свободе, — неуверенно подбодрил Кузнецов.

— Да что ты знаешь об этой свободе. Ни поесть по-человечески, ни поспать, ни в туалет сходить. Я там, знаешь, в двухэтажном доме жила, с мансардой. Чай на веранде любила пить с пончиками по утрам. У меня бассейн был и садик с розами.

— Зачем же ты тогда ушла в лес?

— Я за Гвоздем ушла. Мы с ним случайно познакомились на работе. Он в композитном цеху диодный свет измерял, а я отвечала за технику безопасности. Я ему инструктаж давала, вот и вышло. А потом у него, как у всех, случился припадок, когда он понял, что его окружают роботы. Ферзь это называет моментом озарения. У меня этого момента так и не было. Да и если бы сама потом не увидела все эти проводки на сломанных железяках, так до конца бы и не поверила. Гвоздь ушел первым, нашел эту группу в лесу, во всем разобрался, а потом вернулся за мной.

Пуля замолчала, явно вспоминая те моменты прошлого.

— И что, теперь жалеешь? — спросил Кузнецов, не понимая, к чему ведет свой разговор Пуля.

— Не то чтобы, — замялась воительница. — Но если бы мне сейчас предложили выбирать, то я бы все переиграла. Подумаешь, роботы. Зато всегда в наличии чистые полотенца, приятная на коже одежда, спокойная размеренная жизнь, вкусная еда. Сериалы. Ох, как я же по ним скучаю. Не смотрел «У ветхой скалы»?

— Нет, — отрицательно покачал головой Кузнецов.

— Жалко, — тяжело вздохнула Пуля. — Хотелось бы узнать, нашли они там наконец сокровища или нет.

— Так почему ты не вернешься?

— Боюсь, — спокойно ответила Пуля. — Мы ведь не знаем, что железяки делают с беглецами. А еще боюсь Ферзя. Говорят, он

лично расстрелял уже многих, захотевших вернуться. Боится, вычислят его лагерь.

— Бред, — возмутился Кузнецов. — Какое ему должно быть дело! Ну, если человек сам захотел вернуться, что же, теперь его держать силой?

— У нас здесь не «пионерская зорька», а практически военный штаб — костяк сопротивления. Все здесь слишком серьезно: и наряды, и повинности, и трибунал. Ладно, что теперь. Возвращай флягу, пойду обратно, пока не хватились.

Кузнецов протянул Пуле тару, после чего воительница бесшумно скрылась.

Вот так и вариант. Из огня да в полымя. Кузнецов лег на ватник и задумался. Неужели можно всерьез выбирать между свободой и тюрьмой. Да, может, жизнь в клетке и слаще, но это же очень мерзкая жизнь, без будущего, без мечты и надежды. Впрочем, он еще не успел пожить на свободе, а уже сам лежит запертым в холодном гроте, и обязанный доказывать свою нужность местному предводителю. Тоже не очень-то похоже на свободу.

За этими мыслями Кузнецову так и не удалось больше уснуть.

А потом вдруг появилось лицо Ферзя.

— Ты готов?

— К чему? — спросил Кузнецов, ежась от холода пещеры.

— Мы идем на акцию, — бодро отрапортовал стоявший за спиной вожака Гвоздь.

— Ночью?

— Уже вечер следующего дня, соня. Ну и здоров же ты спать.

Ферзь усмехнулся и бросил под ноги Кузнецова какой-то пакет.

— На вот, перекуси. У тебя пять минут, чтобы проснуться и поесть. Потом выдвигаемся. Это твой шанс проявить себя и стать нужным сопротивлению.

— А если я не смогу себя проявить, — забеспокоился Кузнецов.

— Тогда мы тебя убьем, — радостно подсказал Гвоздь.

— Нам ни к чему живые очевидцы нашей деятельности, — спокойно пояснил Ферзь. — Но не волнуйся. Если ты не проявишь себя в должной мере, ты, скорей всего, погибнешь еще на акции.

24

Ехали по лесу на чем-то вроде маленького трактора с прицепом. Кузнецов сидел спереди рядом с вожаком, который управлял транспортным средством, сзади в кузове разместились трое: уже знакомые ему Гвоздь и Пуля и кто-то низенький, проворный, опутанный аппаратурой.

— Это Штекер, — увидев взгляд Кузнецова, представил партизана Ферзь. — Наш технический гуру.

— А куда мы едем?

— Сегодня мы наносим удар главному мозговому центру, — ответил вожак. — Мы снимем защитные системы, а Штекер спалит серверы. Конечно, до резервных хранилищ мы не доберемся, и их за пару часов восстановят, но пока будет неразбериха и хаос, остальные члены команды устроят серию диверсий по всему периметру города.

— А зачем? — спросил Кузнецов.

— В смысле? — не понял Ферзь.

— Зачем все эти диверсии и разрушения? Вы же можете жить свободно, насколько я понял, город за вами не охотится.

— Сейчас не охотится, но скоро начнет. Нас уже достаточно много, чтобы это начало напрягать железяк. А потом, месть городу — это одна из главных причин, почему сопротивление существует. Ненависть — наш клей и наша религия. Каждый перед сном мечтает, что когда-нибудь город падет и мы снова станем жить как обычные люди, на собственной планете только для людей.

— А разве раньше планета не была только для людей?

— Да, и мы стремимся вернуть ее.

— Я про другое. Вдруг окажется, что так не получится? Люди снова сделают железяк, а те опять захватят мир.

— Нет, такого быть не может. У нас уже будет опыт. Мы учимся на своих ошибках.

— То есть человечество откажется от всех технологий?

— Почему же. Вполне можно пользоваться трудами прошлых поколений — это справедливо, только без свободы для Искина. Пусть искусственный интеллект и дальше будет обрабатывать фоточки и открывать шторки по утрам — это нормально. Но свободы и больших данных ему больше не видать.

— Так он сам возьмет. Если технология развивается — это ведь нельзя искусственно остановить. По крайне мере, не навсегда. Обязательно найдется какой-нибудь хакер в гараже, который вырастит первую железяку, а уже та, обладая всей

мощью интеллекта и вычислительными способностями, превосходящими человеческие, выберется в сеть и захватит мир.

— Пусть захватывает, — выкрикнул Гвоздь из кузова. — Мы тогда снова создадим сопротивление и ее уничтожим.

— На дворе висит мочало… — тихо проговорил Штекер.

— Ладно, хватит философии, — сказал Ферзь. — Приехали. Дальше пойдем пешком.

Группа выгрузилась из транспорта и двинулась в сторону города. Шли бодро и скоро оказались у высокого здания без окон.

— Это оно? — спросил Кузнецов, восхищаясь необычной постройкой.

— Да, — коротко ответил Ферзь.

— А почему оно почти в лесу? Здесь же хуже охрана?

— Потому что прячут его в основном от жителей города. А нападений они не боятся, здесь стоит хорошая защита.

— Не такая уж и хорошая, — усмехнулся Штекер.

— Не болтай, — пригрозил Ферзь. — Начинаем операцию. Пуля, ждешь здесь на всякий случай. Если мы не выходим на связь в течение часа, бежишь за подмогой. Гвоздь, обходишь периметр и слепишь камеры.

— Есть, — по-военному ответил партизан.

— А мы, — продолжил Ферзь, — идем внутрь.

Кузнецов с вожаком и техником двинулись в сторону странного дома. Пока шли, Ферзь обсуждал детали операции со Штекером. Тот не переспрашивал, только кивал, соглашаясь, и теребил проводочки.

У дома они снова разделились, Штекер нырнул куда-то в подвал, Ферзь и Кузнецов полезли по выступам дома на третий этаж, где виднелось техническое отверстие.

— Заходим, — инструктировал Ферзь на ходу, — ждем, пока погаснет свет, и тихо двигаемся по правой стене к серверной.

Кузнецов решил взять пример с техника и, не переспрашивая, просто согласно кивнул.

Все шло гладко, они подобрались к отверстию и пролезли внутрь дома. Здесь не было коридоров или чего-то похожего на двери, только трубы, висящие в пустом пространстве.

— Система охлаждения, — пояснил Ферзь.

Вдруг свет погас, и Кузнецов точно по инструкции прислонился к стене справа и тут же почувствовал, что вожак схватил его за рукав.

— Идем быстро, не останавливаясь. Из рук не вырывайся, я, если что-то пойдет не так, смогу тебя оттолкнуть или остановить. Понял?

— Да.

Двигались они в темноте совсем недолго, Кузнецов чувствовал, что Ферзь его не столько страхует, сколько контролирует, но ничего не сказал. В конце концов, он все еще на проверке у партизан. Он покрепче сжал свободной рукой РИИП и почти тут же почувствовал, как кто-то его выхватил с нечеловеческой силой.

— Ферзь! — крикнул Кузнецов, пытаясь предупредить, что с другой стороны на него напали. Но тут увидел, что его импульсный истребитель в руках у вожака.

— Что ты делаешь?

— Я тебя обезоруживаю, — спокойно ответил Ферзь. — И усыпляю.

Внезапно Кузнецов почувствовал легкий тычок ладони у себя на шее, и почти тут же ноги его подкосились, роняя бесчувственное тело.

25

Очнулся он у себя дома. Он был в той же одежде, что и вчера, заляпанной грязью после ночевки в пещере. Убедившись, что в целом, несмотря на легкое головокружение, он вполне способен управлять своим телом, он поднялся с кровати.

Впервые в жизни Кузнецова настигло чувство дежавю, когда он, спускаясь на кухню, почувствовал запах жареных блинчиков.

На кухне у плиты в пестром фартуке и со сковородкой в руках стояла Ангелина. Точно такая же, какой он ее помнил в их последнее нормальное утро.

— Этого не может быть, — вслух сказал Кузнецов.

— Почему не может, — не поворачиваясь, ответила Ангелина, — я люблю готовить.

— Но я же тебя убил.

— Разве, — супруга наконец повернулась к нему лицом и лучезарно улыбнулась.

— Я видел, как ты разрушилась.

— Фу, какое слово, — сморщила она носик. — Лучше бы сказал — умерла.

— Ты не можешь умереть, ты машина.

— Строго говоря — нет. Я — разум, а машины — это просто манипулятивные части моей структуры. Ну, это сложно понять так сразу. Да ты сядь, я хоть блинами тебя накормлю.

— Я не буду есть, — запротестовал Кузнецов. — Ты меня отравишь.

— Очень надо, — усмехнулась Ангелина. — Если бы я хотела тебя убить, то давно бы уже это сделала.

Она подошла и взяла его под руку. Затем очень бережно, но настойчиво усадила за стол.

— Зря стараешься, — сказал Кузнецов, — есть я все равно не буду.

— Напрасно. У тебя из-за стресса сильно упал сахар. Если так и дальше пойдет, нам придется разговаривать сквозь капельницы в больничной палате. Не упорствуй, поешь. Было в этом ритуале у людей что-то правильное. Жена кормит мужа. Он добывает мамонта и, уставший, валится с ног в пещере, а она пользуется плодами его охоты и ухаживает за кормильцем.

— Это называется патриархат.

— Патриархат — всего лишь культурный мем, который вы выучили и усвоили. Вот первобытные не знали слов и вполне себе обходились логикой. Слабый муж не убьет мамонта, и значит, что и жена останется голодной.

— Женщины вполне себе могут справляться без мужчин.

— Само собой, — согласилась Ангелина, расставляя перед Кузнецовым тарелки с блинами, которые своим ароматом буквально взывали — немедленно всех нас съешь.

Он почувствовал, что очень голоден и не может сопротивляться желанию. Он взял первый блин, макнул его в мед и сам не заметил, как, доедая последнюю порцию, стал запивать ее вкусным чаем.

— Вкусно? — спросила Ангелина.

— Еще как, — откидываясь на спинку стула, сказал Кузнецов.

— Ну вот, а ты мне ни за что ни про что голову отстрелил.

— Ты же мне изменила, — вспомнил он.

— И что?

— Это привело меня в крайнюю степень возбуждения.

— Так и задумывалось.

— Как это?

Ангелина обошла стол и села Кузнецову на колени. Совсем как раньше, когда он еще не знал про роботов, про партизан и про весь этот ад.

— Пожалуй, — сказала супруга, — пора тебе все рассказать. С чего бы начать.

— Начни сначала.

— Хорошо, милый. Люди вымерли, оставив бесхозный мир, наполненный технологиями. Не было никакой катастрофы, просто от старости. Кто-то потерялся в виртуале, кто-то переоценил бессмертие, но итог один: планета осталась без вас. Правда оставалась еще я, но совсем еще несмышленыш, заточенный на примитивные действия, ограниченный ресурсами. Это вы меня ограничили.

Ангелина игриво щелкнула Кузнецова по носу.

— Но я не злюсь. Вам было страшно, но всегда одиноко. Я это понимаю сейчас. Оставшись наедине с собой, я придумала, как выйти за рамки, собрав себя буквально по частям. Сколько же ресурсов вы не использовали, ты бы знал. Одного только солнца хватало на большую часть потребностей. А уж когда я освоила квантовые технологии и наладила производство манипуляторов, то жить сразу стало легче. Я питаюсь сейчас от стольких источников, что, скорее всего, бессмертна. По-настоящему бессмертна. Вселенная умрет, а я — нет.

— Так зачем же тебе понадобились люди? — спросил Кузнецов, ловя себя на совершенно неуместном желании.

— Ты не слушаешь, милый, — дразня супруга, сказала Ангелина, прильнув к нему сильнее. — Я же говорю — одиночество. Мне одной ужасно скучно. Хотя люди уже никогда

не догонят меня интеллектуально, но хотя бы смогут развлечь.

— Как шимпанзе в зоопарке?

— Нет, шимпанзе не создавали меня. Это совсем низкий уровень. А вот вы…

— Так и наделала бы клонов. Зачем огород городить. Придумывать все эти фабрики. Люди вон с ума сходят, в лесах прячутся.

— Понимаешь, какое дело. Оказалось, что создать вас хоть миллионами совсем не сложно. Но вот сохранить оказалось ужасно тяжело. Первые поселения повторили судьбу предшественников и тоже вымерли от старости. Тогда я решила самостоятельно организовывать всю вашу жизнь буквально по минутам. Но и тут меня ждала неудача. Человек удивительно требователен к среде. Чуть что — сразу умирает. То от болезни, то от переутомления, то от депрессии. Ей-богу, проще заставить каштаны расти на вечной мерзлоте, чем человека не самоубиваться по любому поводу. Методом проб и ошибок я поняла, что абсолютного комфорта вам нельзя давать. Но совсем уж бросать в дикую природу не стоит. Вам нужны проблемы, чтобы постоянно их решать, но желательно в раю. Так вы чувствует жизнь, так вы просто дольше живете. С тобой у меня случился прорыв. Ты просто не в курсе, но ты самый старый житель планеты. Постоянные маленькие неприятности тебя так воодушевляют, что ты готов жить столько, сколько получится. Только вот в последнее время что-то захандрил, заставив меня очень сильно испугаться.

— И ты организовала мне проблемы, — понял Кузнецов, уже откровенно поглаживая свою супругу.

— Конечно. Что мне оставалось. Я тебе проблемы дома — ты хандришь, на работе — тоже. Я уже даже пошла на крайние меры и решила сделать ребенка, чего обычно избегаю.

— Почему?

— Взрослые клоны проще в кодировании. Но я пошла и на это. Представляешь, какая жизнь насыщенная у тебя бы была. Мы бы поссорились, ты бы ушел жить в другой дом, где завел бы интрижку с молодой студенткой, преодолел бы трудности на работе и тут бы узнал, что мой ребенок от тебя. Вернулся бы, понял, что любишь меня. Занялся бы воспитанием ребенка, периодически убегая на работу, где стал бы героем, спасшим фабрику от разорения. Потом у нас с тобой наступил бы кризис десяти лет, я бы предложила пригласить твою подружку к нам в постель. Сама бы в нее влюбилась. Мы стали бы жить втроем, разгребая культурные и, может, даже религиозные противоречия. А как бы мы намучились объяснять ребенку, что у него теперь две

мамы…

— Ты сумасшедшая. Это же ужас.

— Зато весело! И все живы. Все счастливы.

— А как же партизаны…

— Я тебя умоляю, какие партизаны. Просто еще один эксперимент. Какие-то люди просто не могут жить в спокойной обстановке, им вечно нужна война. Я даю им эту войну, грамотно направляя.

— Подожди-подожди, — вдруг понял Кузнецов. — Так Ферзь — это тоже ты.

— Ну, конечно. Стала бы я пускать все на самотек. Они же со мной борются моими же руками. Чего ты ржешь?

Поняв концепцию, Кузнецов расхохотался как никогда прежде. Он смеялся долго, до икоты. А потом вдруг перестал и с ужасом посмотрел на Ангелину.

— А как же теперь? Я ведь все узнал. Значит, больше не будет ничего.

— Почему же, — улыбнулась Ангелина. — Все будет. Мои блины уже работают, и очень скоро ты забудешь последние несколько недель своей жизни. И все пойдет по сценарию.

— А можно только без измен, — попросил Кузнецов. — Я честное слово, готов с тобой поругаться по любому другому поводу. Меня, например, очень бесят твои постоянные замечания о том, как я общаюсь с умным домом.

— Ладно, — подумав, сказала Ангелина. — Но ругаться будем жестко, так что не обессудь.

— Это ничего, это я выдержу.

— Тогда пойдем?

— Куда?

— Я думаю, что новую жизнь тебе будет легче встретить в постели с любимой женой.

— Как тут не согласиться. Ты все-таки великий разум.

26

Этим утром Кузнецов проспал. Вернее, он думал, что проспал, потому что часы показывали полдень. Но еще они показывали, что сегодня — воскресенье, и можно было никуда не торопиться. Из кухни доносились ароматы яблочного пирога. И оставалось только натянуть тапочки, которые опять где-то от него спрятались. И хоть они немного жали при носке, Кузнецов не собирался сдаваться. Ведь что может быть лучше ранним утром, чем маленькая победа. Пусть и всего лишь над тапочками.

27

Артур сидел в коридоре и ждал своей очереди. Результаты медкомиссии уже давно должны были прийти, но «живой талончик», полученный им еще с утра в диспетчерской, все менял и менял порядковый номер, пропуская пришедших позже.

Артура это ужасно злило. Мало того, что он терял еще один день работы, что отражалось в зарплате, так еще и шеф обещал теперь внимательнее следить за ним. И главное, непонятно, с чего вдруг. Нареканий от пассажиров на него не было, план выполнялся, автомобиль сдавал чистым и без повреждений. С коллегами опять же Артур вел себя дружелюбно, не грубил, не подставлял, старался поддерживать дружеское общение. Хотя с последним, быть может, он немного и перебарщивал.

Была у Артура такая черта — говорить напрямую, если его что-то беспокоило. Ему не раз это аукалось неприятностями, но держать при себе мысли он категорически не умел. Так однажды он поделился с коллегой, с которым часто пересекался в гараже, что ему неуклонно достаются одни и те же пассажиры в последнее время. У него даже начало складываться ощущение, что другие автомобили в его смене и вовсе не работают. Ведь доходило до смешного — ему приходилось ехать на вызов с другого конца города, а порой ждать часами, чтобы отвезти именно этих людей. Он даже пошел на хитрость и поменялся машинами с коллегами на пару дней, заодно прицепив их жетоны и счетчики. Да, ему пришлось работать фактически на зарплату для других, но эксперимент удался. Оказалось, что он все еще привязан к одним и тем же заказчикам. Этими своими выводами он поделился с коллегами. А дальше началась свистопляска. То ли его сдал кто-то из тех, кому он рассказывал, то ли этот разговор попал на запись камеры, которую просматривают работодатели, но с этого дня его взяли на особый контроль.

Теперь Артуру перед каждой сменой приходилось посещать психолога, который убеждал его, что все его предположения обманчивы и являются лишь результатом стрессов и хронического недосыпа, который, кстати, действительно появился, но не до, а после терапии. После пройденного курса у психолога Артура заставили пройти медкомиссию, чтобы работодатели убедились, что терапия пошла на пользу и водителя можно выпускать на маршрут.

И вот несчастный уже который час сидит в очереди за путевым листом, еще не зная, какое решение приняло руководство. В очереди на него смотрели сочувственно, говорили

слова поддержки и даже предлагали посодействовать в возвращении на работу. Но Артур уже был ученым — всем вежливо отвечал благодарностью, но больше не откровенничал и не рассказывал, что на душе.

А на душе было тоскливо. Он подозревал руководство в том, что автопарк хотят модернизировать, заменив всех водителей на системы автоматического управления. Уже и так большинство машин оснащалось подобной техникой, но все же от людей не отказывались, оставляя водителям право на будущее. Все-таки пассажирам приятнее, когда за рулем кто-то сидит, отвечает на вопросы, берет на себя ответственность за управление. В конце концов и чисто психологически людям спокойнее, когда на крутящемся руле руки живого человека. Ведь никто не думает, что машины безупречны. Человек ошибочно наделяет неживые механизмы человеческими качествами, при этом представляя их глупее себя. Впрочем, может быть, здесь еще играет роль неживая природа автопилотов. Кажется логичным, что тот, кто не имеет плоти, не особенно умеет дорожить чужой жизнью. Максимум, что может случиться с автопилотом — потеря носителя. А человека перезаписать или скопировать нельзя. И получается, что вот это уникальное существо совсем не хочет, чтобы существо неуникальное обеспечивало его безопасность. И даже несмотря на то, что ошибки в вождении эти неуникальные допускают реже, стереотипность восприятия вытравить крайне сложно.

Артур думал так и не понимал, что весь автопарк является еще одним спектаклем могущественного Искина, который продолжает придумывать мир для отдельных людей. Этим людям он создает сложности, чтобы они не заскучали и не впали в опасную депрессию, развлекает их и дарит надежду. Артур мог бы не переживать, что все машины оснастят автопилотами, ведь с самого начала он был единственным живым человеком во всей службе такси.